

**РОД
СТУДЕНЧЕСКИЙ**

№ 17 СЕНТЯБРЬ 1970 ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

СМЕННА

„МНЕ СЕРДЦЕ СВОЕ, КАК ПОДАРОК, НЕСЕШЬ...“

Лорина ДЫМОВА

Я старше тебя на тысячу лет.
Я старше тебя на тысячу бед,
на тысячу тонких морщинок у глаз...
Поэтому все так нескладно у нас.

Поэтому наша любовь
нелегка.
Считаешь ты дни —
я считаю века.
Мне сердце свое,
как подарок, несешь.
А я тебе — мир,
его правду и ложа,
и солнце надежд,
и безверия тьму.
...Но дар мой великий
тебе ни к чему!
И в сердце твоем
не найдет он жюлья.
Тебе нужно меньше —
улыбка моя.

Задумчивым людям,
насмешливым людям,
рассевшим людям
мне хочется крикнуть:
— **Послушайте!**
Больше не будет
такого же солнца,
такого же льда на колодеце.
Мгновенье людям
единожды в мире дается!

Послушайте,
вы никогда не увидите неба
такого же точно,
такого же снежно!
Я знаю,
все будет.
Но будет совсем по-другому.

Послушайте, люди,
идите, идите из дома.
Живите, дышите, слогорите,
не будьте прохожими!

Не верьте, что жизни
наполнены днями потухшим.
Так просто и горько
себя незаметно обкрадывать.
Живите сегодня!
Не надо
на завтра откладывать!

В квартире унылой и черной
я вещи свои соберу.
На белой пустынной платформе
я встречу тебя поутру.

Ослепнув от сна и тумана,
тебя я узнаю опять.
Мне рано, мне рано, мне рано
еще о тебе горовать.

И ветки скрипнуть ступени,
и звякнет бесшумно лед,
и память мне снова изменит —
тебя под защиту возьмет.

Но знаю, гудок паровозный
тебя по утрам будет звать.
Мне поздно, мне поздно,
мне поздно
уже о тебе горовать.

И будет мне снится ночам,
как отзвук прошедшего дня,
как будто тебя я встречаю,
как будто ты любишь меня.

Ирина ЖЕРНАК

ШОСТАКОВИЧ

Не железный,
не утес ли!
Пальцы сжаты наугад.
Это все приходит после,
Это после канонад.
И аплодисменты
градом,
Даже слезы на глазах.
А сначала с Ленинградом
Вместе голод,

вместе страд.
От терпения
до мести,
До высокой правоты.
И победу тоже вместе,
Как литавры, как цветы.

Сцена странно так подвечена,
Что расширены зрачки.
Два пыльника

недовчернено,
Галстук сбившийся,
очки...

Иду за тридцать земель,
Иду по замкнутому кругу.

На бездорожье стонет ель
И не найдет себе подарку.

Скрипят, стгибаются стволы
Деревьев, собранных гурьбою.
То ростом кажутся малы,
То слишком дорожат собою.

И мне на ум приходит дурь.
Что лучше быть колочей елью.
Они стоят до первых бурь,
Как девочки над колыбелью.

Разлегались вешние гречи,
Тучей небо все заполонило.
Ради моих песен помолочи.
Человек, которого любила.

Утром встань пораньше,
не тужи.
Позабудь о том, что я забыла.
Прошлого в себе не вороши.
Человек, которого любила.

Детвора проклянет во дворе,
Детвора мачом стекло разбила.
Не равной хотя бы и детвора,
Человек, которого любила.

Ночь свет в квартире притушил.
Спи спокойно, улыбайся мило.
Что-нибудь приснится для души,
Человек, которого любила.

О своей печали не тужи.
Боль пройдет, как счастье
проходило.
Никого так больше не губи,
Человек, которого любила.

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

Наталья БУРОВА

Игорь ПАНТЮХОВ

ПИСЬМА

Женни Маркс давно не видит сны. Женни Маркс не чувствует весны. Женни Маркс — счастлившей из женщин — За глаза довольно тшншны.

Письма, что она одна читала, Много поколений перечтут. Есть у мысли тайное начало, Позают по-разному мечту.

Путь жены отнюдь не триумфален,— Детский плач, следы чернильных клас... Что сказать уехала фон Вестфален! Что уехала сделать Женни Маркс!

Истинные гениы, как звезды,— Их тепло и чистота — венам. На земле провозглашают тоasty, И сбегают слезы по щекам.

Письма перечитывала Женни, Улыбалась, прятала листки,— В таинстве взаимных притяжений Новые рождаются ростки.

Женни Маркс давно не видит сны. Женни Маркс не чувствует весны. Женни Маркс — счастлившей из женщин — Годы и столетия не страшны.

Геннадий ГЕОРГИЕВ

БУГ

Как в венах мигнут сказаны о далекой старине, в нем живут воспоминанья под корягами на дне. Он их пречет, как монеты пречет в судорох слугиц, и бежит себе по свету тшнш из конца в конец. Зиму авестя от скуки, но ода сойдут снега, вдруг разведат, словно голубые берега.

А когда, угломившись, отступает он назад, отступает груз свой лишней — саблю, штык или снаряд, кивер, ствол от автомата, каску, полную земли. И становится понятно, отчего он молчалив, отчего воспоминанья он хранит на самом дне,— чтобы дети не узнали, как воюют на войне. Чубе не шла печаль людская лишней раз издалека... Как тебя я понимаю, Буг, славянская река!

С крутого волжского откоса над тишиной воды и трав, смых, куда летит, берега, по ветру ветки расплалта! Быть может, хочешь ты послушать, как Каспий плещется вдали! Как, выворачивая душу, кричат за Волгой глугари! Тебе не боязно, не страшно! Но, видно, риск — твоя судьба. Закнув голову, ромашки глядят к восторгом на тебя, гудят речные теплоходы, твоею близостью гордятся... Я поменялся бы охотно с тобой местами хоть на час, чтобы стать сегодня небом синим и ветром полным до краев, что сразу видят пол-России, держась корнями за нее.

Сейчас, когда стучат в виски Европы дружка жмиво и его враги — разбуженные и жинны изотопы, шагающие к смерти сапоги, когда в отскаят, до поры закрытых, врач и солдат с визирами сдидт, другой — за жинноу на метеоритах, другой — за смертью на Земле следят, когда, приснословно послушине, следат на стартах Солнце и Гроза,— так страшно вдруг увидеть равнодушине, не видящие этого глаза!.

ЗЕРНО

Картини детства пальтью тревожа, я вспомнил боб, поминих на возу, и было в их руках зерно похоже на авдюю, неустышную слезу. Пустели печи русские к июлю, и кладбища густели заодно, и чм-то вдруг напоминало тумно в радие мешка застрешное зерно. Не нужно горорить каскады формул, чтоб доказать, коль истина важна, Что и Земля, Земля имеет форму созрешего пшеничного зерна. Я все законы физики приемлю, но есть поправка у мена одна: нет, не поносья держатся за Землю, а на копысьях деринтся она!

НЕ ЛЕГЕНДЫ ЭТО, А СКАЗАНИЯ

Не легенды это, а сказанья, и вовнеи не возмьт их тпни: коммунисты только бз сознания, в полусмерти попадали в плен. Голодомы, разуты и раздеты, досчитая последние шавы, в Землю зарывали партбилеты. «Созрани,— просили,— сберег!» Много раз весну семинию лето, Но Земля — надежннй, верннй страж! — бережет у сердца партбилеты, и растет ее партийный стаж.

А я учусь развязывать узлы,— тутже, как дубовые стволы, и нежнине, как речн позталы, и спользине — из слугеги и тумы. Да, я учусь развязывать узлы. А раньше не развязывал — рубил, а раньше сам завязывал любил. Не злю — а просто от избытка сил, не зная, а людям боль я принесил... И вот теперь, теперь в разное днй, развязывать узлы мне все трудней, а жинь из авжете тум и сложней, а мне необоинно ладить с ней. Мне часто шепчут: дескать, люди злы, и зра ты, пареня, напрягаешь плечи, что развязать, распутать все узлы надей, страстей, судьб, противоречий.

Что ж, как раньше, я не разубоюю, но в жини — по прямой, не за углами,— свой код теперь, подобно кораблю, разавазанным мержо узлами.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРА • ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Осенью в январе 1974 года

Выходит раз в два в месяц

№ 17 [1039]

СЕНТЯБРЬ 1970

Наша обложка: студенческая лаборатория.

Фото Мирослава МУРАЗОВА

Фоторепортаж «Род студенческий» — на страницах 16—21.

2 ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕ-НЫ» — НЕФТЯНЫЕ РЕКИ СИБИРИ. Беседа с первым секретарем Тюменского обкома КПСС Б. Е. ЩЕРБИНОЙ.

5 Кругозор современника. СОЛНЦЕ САРЬЯНА.

7 КРАСНЫЕ КОСЫНКИ. Репортаж о бригаде молодых текстильщиц из Чернигова.

26 ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ВЬЕТНАМ — ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

ЖИЗНЬ И РАБОТА ИВАНА ХОХЛОВА. ОЧЕРК О КОММУНИСТЕ-ВЕРТОЛЕТЧИКЕ

КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ. НА БЕРЕГАХ НЕВЫ ХОЛОДНОЙ...

ОЧЕРК О ЛАУРЕАТЕ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА БАЛЕРИНЕ МАКЕЕ САБИРОВОЙ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДАКЦИОННАЯ ГРУППА: Г. М. Гусев, Е. А. Долматовский, К. Н. Замосшкин, Р. Ф. Казанова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, А. А. Лиханов [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного редактора], Е. И. Рыбчин, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник]

Художник О. С. Теслер

Технический редактор Н. И. Будкина

В дни, когда вся страна готовится к XXIV съезду партии, «Смена» начинает экспедицию «Нефтяные реки Сибири».

Экспедиция «Смены» предполагает широкую пропаганду ударных комсомольских строек Западной Сибири; журнал расскажет о молодых героях, осваивающих нефтяные и газовые богатства обского севера, Тюменской, Томской, Новосибирской областей, о молодых первопроходцах, прокладывающих нефтяные и железнодорожные магистрали в трудных условиях.

Экспедиция «Смены» — это выступления на журнальных страницах и самих тружеников Западной Сибири: геологов, изыскателей, строителей, нефтяников, тех, кто перерабатывает

сибирскую нефть в нужные промышленности продукты. Экспедиция «Смены» — это и непосредственное шефство журнала, когда творческие бригады писателей, художников, артистов, лекторов приедут в далекие таежные поселки не только для того, чтобы выступить перед строителями и нефтяниками, но и рассказать об их жизни на страницах журнала.

На своем XVI съезде Ленинский комсомолец вновь и вновь подтвердил, что всегда будет верным помощником партии во всех самых важных делах. И это не просто слова. В акти комсомола Братская и Красноярская ГЭС, прославленная песне ЛЭП-500, сложнейшая в мире страна железной дороги Абакан — Тайшет и десятки других сибирских строек.

С первым секретарем Тюменского обкома КПСС Борисом Евдокимовичем ЩЕРБИНОЙ беседует специальный корреспондент «Смены» Леонид Пешаков

ЭКСПЕДИЦИЯ „СМЕНИ“ — НЕФТЯНЫЕ РЕКИ СИБИРИ

Интервью началось несколько неожиданно для меня: вместо разговора о нефти и газе мы вдруг повели его о сельском хозяйстве Тюменской области. И поводом послужил вроде бы незначительный факт, явно не имевший никакого отношения к «открытию века», как нарекла мировая печать открытие колоссальных запасов нефти и газа на бескрайних просторах Западно-Сибирской низменности.

Дело в том, что недавно в тюменский колхоз «Большевик» приехал Терентий Саменович Мальцев. А если 74-летний патриарх курганских зыльпапцев решил побывать у своих северных соседей, никогда не славившихся высокими урожаями, то для этого должны были быть веские причины.

Вот о них-то я и спросил.
— С колхозом «Большевик» вышла интересная история, — сказал Борис Евдокимович. — На примере отдельных совхозов и колхозов мы решили отработать оптимальные варианты ведения хозяйства в различных климатических зонах области. Для этого выделили 32 хозяйства, которые являются как бы натурными испытательными полигонами. Там создается такой набор машин, удобрений, сельскохозяйственных культур, который дает наибольшую отдачу на затраченные средства. Конечно, нам пришлось для этих 32 хозяйств создать несколько привилегированные условия по сравнению с остальными. Они года на три опережат других по обеспеченности машинами и химическими удобрениями. Но мы пошли на это и отказались от уравниловки в распределении

Теперь передовой комсомолом становится западносибирская нефть. На строительство дорог Тюмень — Сургут приехало с Абакан — Тайшет целое стройуправление, и не удивительно, что новая стройка объявлена Весовой эпохой ударной. Ударными стройками стали Самотлорское нефтяное месторождение, газоместорождения севера Тюменской области, газопровод Надым — Пушка, Александровское нефтяное месторождение, нефтьпрод Александровское — Томск — Анжеро-Судженск. А буровики, геологи, изыскатели вновь и вновь отыскивают на карту Западной Сибири новые фляжки, означающие открытия новых месторождений. И вот еще одна сенсация: нефть открыта совсем рядом с Новоиссидово!..

срвдств, потому что пока эти привилегированные, отработанные им приемы завтра станут достоянием всех. К тому же сегодня здесь создаются кадры, которые в будущем смогут внедрить передовые методы в отсталоге артели.

Подтверждением тому может быть колхоз «Большевик». Лет пять назад тут собрался группа выпускников тюменского сельхозкооперативного института. Их пригласил председателем колхоза Поликарп Прокопьев, который сам уже давно закончил агроинститут и занимается наиболее значимыми, грамотными работами.

Когда они пришли в колхоз, урожай зерновых составлял там восемь центнеров с гектара. В прошлом году при неблагоприятной погоде они получили на круг по 26 центнеров. А пшеница «Нива», отыскиваемая на удобрения и стойко переносящая засуху в центнерах. Они разложили ее и теперь смогут помогать семени другим.

— И Мальцев приезжал познанивать их опыт? — спрашиваю.
— Как сказать? Он увез от нас некоторые сорта семян. Познакомился с новыми приемами ведения хозяйства, которые внедрит молодежь... Нельзя сказать, что он чересчур нас чинил. Это человек с таким опытом, что, даже увидев новое, он его так осмыслит и найдет в нем такое, чего и сам автор новшества может не заметить. Во всяком случае, от его приезда результат будет.

Когда мы прощались с Терентием Семеновичем перед его возвращением домой, он сказал:

— Я sudah отдулся, увидя, как молодежь хлеборобы хозяйствуют на земле. Это дело в надежных руках.

— Больше похвалы и не придумать: «сам Мальцев сознался, что передает трудовую эстафету достоянию!»

— А вы же еще не видели Шербина... что главное в Мальцеве? Говорят: талант, вениный нос, трудолюбие. Нет. Главное в этом человеке — неистребимая любовь к земле. В этой любви он все, и все, что им сделано, выросло на ней. Без нее ничего не создал бы самый высокий талант.

Мы рады, что Терентий Семенович так высоко оценил труд своих земляков и отдал им свое слово.

Но это только частный факт из огромной проблемы интенсификации сельского хозяйства в нашей области, которая приобретает год от года все большее значение. Не случайно об этом говорилось в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежневна на июльском пленуме ЦК, обсуждавшем основные вопросы области сельского хозяйства.

Тюменская область, как говорил Леонид Ильич Брежнев, становится крупным центром добычи нефти и газа и в скором времени предвещает большой спрос на продукты животноводства. Область располагает обширными угодьями лугов и пастбищ, которые, правда, нуждаются в механизации. В докладе Брежневна подчеркивается необходимость использования средств на выполнение работ на строительстве мясных и молочных совхозов, чтобы в короткие сроки за счет местного производства намного увеличить поставки мяса, молока, яиц, а также решить проблему снабжения населения овощами.

Высокая оценка значения тюменских нефти и газа и внимание, оказанное нашим людям, воодушевляет коммунистов, всех труженников области работать с еще большей энергией. Мы справимся с поставленными задачами, хотя знаем, что это будет нелегким делом.

О чем бы в дальнейшем мы ни говорили с Борисом Евдокимовичем, все было как бы продолжением разговора о Мальцеве и его молодых приверженцах — энтузиастах и своих учителях, о жажде поиска и творчества и много другом, что рождается у нас в душе.

Когда мы «вернулись» к нефти, я спросил:

— Прошло десять лет с того времени, когда бригада Семена Никитовича Урусова получила из скважины № 6 в Шапине первую тюменскую нефть. До этого момента в нашей области существовали только средства на топливо. Прошедшие десять лет не только развили нашрезервы скважинок, но показали, что Западная Сибирь — главная кладовая страны нефти и газа. Прошедшие десять лет были периодом перехода от поисков к практическому использованию этого богатства.

Каждый период в истории тюменской нефти был характерен своей особенностью. Какая главная черта нынешнего?

— Энтузиазм был и остается главной особенностью освоения тюменской нефти. Сначала энтузиасты-ученые обосновали и доказали свои предположения о богатстве недр Западно-Сибирской низменности. Потом энтузиасты-рабочие подтвердили своими открытиями выводы ученых и продолжают каждый год добавлять в копилку страны новые месторождения. Сейчас энтузиасты-эксплуатационники ведут освоение нефти и газа.

Никто в стране не бурит скважины быстрее, чем сибирские нефтяники. Кажется бы, парадокс: такие трудные условия, а вышки строятся в необычно короткие сроки. Раньше на это уходило 20—22 дня. Теперь у нас ставит вышку за 10 дней.

Сейчас на средней Оби мы замасхируем в 40 тысяч метров проходим скважины в год одной бригадой. При глубинах 2300—2400 метров. Это очень много, но все-таки такая цифра нас особенно удовлетворяет. Через несколько лет мы думаем выйти на рубеж 80—100 тысяч метров проходим на бригаду. И мы знаем, как это сделать. За половину нынешнего года буровики бригады Ленинского Самотлорского участка м. Кичиного г. выдрили, будет 50 тысяч. Бригады Ягярова, Петрова, Шашина планируют в этом году пройти по 60 тысяч, правда, на меньших глубинах, так что самые дерзкие наши наметки вполне реальны.

— Но ведь это не так просто увеличить продукцию в два-три раза. Когда

Западносибирские нефть и газ становятся одним из фундаментальных, краевоьных камней экономики СССР. Открытая экспедиция «Нефтяные реки Сибири», «Смена» раскажет молодому читателю о том, как героическим трудом его сверстников-сибиряков приумножается сила и мощь нашей Родины. Мы приглашаем к участию в экспедиции и наших читателей — тех, кто трудится в Сибири, тех, кто собирается поехать туда. Ждем ваших писем, предложений, откликов, пожеланий. Напишите молодым строителям, чей труд и чья жизнь заслуживают того, чтобы о них узнали другие. Пишите о волеуincible вас проблемах. Сигнализируйте о недостатках.

Итак, экспедиция «Смены» — «Нефтяные реки Сибири».

начиналась тюменская нефть, на всю страну прогрезм рекорд Семена Урусова — 25 тысяч метров. Теперь вы считаете а 40 тысяч пройденным этапом. А ведь это много даже для сравнительно мягких тюменских грунтов. Почему стала возможной такая скорость?

— Секрет прост: люди искали. Каждое новшество давало свой эффект, а взаге все вместе привело к блестящим достижениям.

Наш буровики применили два носса при подаче раствора в забой. Бурильные головки стали работать в более благоприятных условиях. Использовали гидромониторный эффект. Оказалось, что если изменить геометрию самого сола насадки и струю раствора направить под набегающую шарошку, то скорость вращения — 7—8 оборотов в минуту, а глубина — 12—15 дола, прежде чем достигалась глубина 2400 метров. Теперь достаточно четырех-пяти. А спецн мечтают в душе обойтисе всего тремя.

Вместо стальных труб при бурении стали использовать дюралевые. Это обогатило не только подачей колонны при смене инструмента, но и транспортировкой труб и буровиков, что в условиях тюменского бездорожья имеет огромное значение.

Научились мы использовать при добыче и подземные термальные воды. Освоили так называемое кустовое бурение, что позволило с одной вышки проходить четыре-пять скважины.

И вот результат: если бы мы работали по старинке, государству пришлось бы израсходовать дополнительно более миллиарда рублей, чтобы достигнуть нынешних рубежей на тюменских нефтегазовых промыслах.

— Но вряд ли успех зависел только от одних буровиков...

— Конечно, не только от них. Но бурение — главный чед нефтяной промышленности. Он определяет все остальное. Получается нечто сходное с цепью, где звеном является бурение. Если звено бурения не будет строено, дорожники, транспортники, ученые. Добываются и в прямом и переносном смысле. Творчество, поиск нового — это обязательный фактор в работе любой отрасли производства, которая так или иначе связана с тюменской нефтью.

Взять хотя бы обустройство промыслов. Район наш очень сложный: расстояние от труб к буровикам велико, их быстро среди непроходимых болот невозможно. А строить нужно быстро, надежно, дешево. Три взаимосвязанных друг друга условия. Тем не менее удалось найти решение, которое отвечало всем. Группа инженеров «Главтомефтегазстрой» с Юрием Петровичем Батониным (теперь он уже заместитель министра газовой промышленности СССР) выступили инициаторами комплексно-блочного обустройства промыслов. Идея эта не новая, и мы не хотим приписывать нашим инженерам авторство. Но заслуга группы Баталова в том, что они с энтузиазмом зашли за ее осуществление у нас в Тюмени. Они предложили строить перекачивающие насосные станции на заводе в блоках, а на месте только монтировать из этих блоков насосные станции. Это позволило сэкономить на транспорте и строительном материале, рабочую силу, терять драгоценное время. Куймынскую насосную станцию они смонтировали в семь раз быстрее, чем того требовал обычный способ строительства. Получена огромная экономия денег.

Помогала, Борис Евдокимович продолжал:

— Если вам придется лететь на вертолете из Нижневартовска на Самотлор, обязательно обратите внимание на оригинальное сооружение — стоящий на полках коллектор трубопровода, надущий от промысла до головных сооружений. В ответственной практике подобного не было. За границы нашей области трубопроводы используют только при запуске новых скважин, когда приближенное мелководье заставляет выводить нефтепроводы на рейды.

— А нельзя было у вас придумать что-нибудь более прочное и постоянное?

— Нет. В том районе такие топкие болота, что до твердого грунта добраться не удается. Поэтому пришлось использовать именно этот вариант. Средний возраст таких сооружений обычный нефтепровод. Конечно, ставя трубу на полках, наши инженеры рисковали. Но риск оправдал себя. Полтора года коллектор работает бесперебойно.

Вы, конечно, слышали о поселке Светлый, который построено комсомольско-молодежное строительство управления. Сейчас стало ясно, что эксперимент удался. Но ведь сколько было вокруг него дискуссий! Тогда стоял вопрос: какими должны быть поселки на Севере? Мы анализировали и свой опыт и зарубежный. Отбрали самое рациональное. Тогда-то и появился знаменитый «Комарник», кафе, где происходила исе эти споры.

И в разное время предположили. Первое горячее, только-только со спорозором, оно получало «добор» и пускалось в работу.

— Тогда и проявили себя студенты из строительного отряда Анатолия Мандринченко?

— В то время студенты тоже принимали участие в спорах, хотя решающее слово принадлежало учителям. Но эти учителя — будущие хозяева, которым хотелось в этом городе воплотить свою светлую мечту. Мы доверили строительство им и, думаю, не ошиблись. Первая очередь Светлого построена.

И во многих других важных делах мы опираемся на молодежь. Иные, собственно-молодежное строительство управления. Сейчас стало ясно, что эксперимент удался. Но ведь сколько было вокруг него дискуссий! Тогда стоял вопрос: какими должны быть поселки на Севере? Мы анализировали и свой опыт и зарубежный. Отбрали самое рациональное. Тогда-то и появился знаменитый «Комарник», кафе, где происходила исе эти споры.

дний мог исшать, держать. Теперь главное — научит молодежь еще и анализировать и обобщать лучшее.

— Борис Евдокимов, в 1965 году вы написали книгу «Томский миф» и там назвали целый ряд людей, кому мы обязаны открытием нефти и газу и вот сейчас среди ребят говорят: молодежь, молодежь, «комсомольцы». А как же старички? Они, что же, ушли на покой?

— Ну нет! «Старички» — золотой фонд Томени. Ровнин, Эрль, Ростоцев, Салманов, Урусов — они не только прокладывали первую тропу к томьенским нефти и газу и не только теперь передают свой опыт новичкам, они учат молодую патриотку. Таких работников нашлось бы место в любом крае страны. И знайте, их постоянно смазывают, соблазняют, зовут кого на Украину, кого в Азербайджан, Татария. А они отказываются.

— Почему? Ведь все они когда-то приехали в Томь из Молдавии, С. Урусин, Волги, Предуралья, из Баку, и вряд ли их упрекнут, если теперь вернутся домой: свой дом лучше. Уж не потому ли, что в любом краешке страны, куда вы не предстанете, что такое наша нефть. Можно несколько цифр?

— В предожде десятилетия в хозяйство области Budget вложено средств в пять с половиной раз больше, чем за все годы Советской власти.

— Одна газавая свистуха — главный институт по нефти и газу усопного томя — соблазнула угольную шахта с добычей в два миллиона тонн. Когда об этом было сообщено в печати, западные газеты опубликовали карту будущего трансконтинентального газопровода Надым — Рим. Страна ориентировалась, поняла международное значение нашего далекого Заполярья.

— В 1964 году один научно-исследовательский институт по нефти и газу решил электронно-вычислительной машиной рассчитать оптимальный режим эксплуатации томьенских недр. ЭВМ «ковтивал»: в 1970 году здесь можно добыть 30 миллионов тонн нефти...

— А вы по плану дадите 27 миллионов...

— По секрету скажу: дадите меньше. Нефру утончим в конце года. Надо еще, машину не подадим. Но не в этом дело... Главное, что действительность опережает самые смелые прогнозы ученых...

— Вот и скажите: кто уедет с такого «горячего» дела? Вы думаете романтика — только для молодых?

— Каждый человек должен испытать себя на чем-то большом. На мелком деле, крошечной работе своего, не способностей, ни таланта. Поэтому краде, где есть возможность пережить себя по самому большому счету, притягивает к себе молодежь. Есть тут и элемент романтики первооткрывателя. Места у нас дикие, земли нехоженые, и проложить на них свои собственные дорожки, согласиться, интересно. Ведь щемичье чувство первооткрывателя заложено в самой природе человеческой.

— Но в быт сказал и я другим.

— Мы говорили об моральных стимулах и иной раз все сводим только к грамотам, почету, определенным поощрениям, забывая, что все-таки самым главным моральным стимулом является сам труд, значимость и общественная полезность его.

— Но согласится, что некоторые едут еще и просто зарабатывать.

— Есть и такие. Мы недавно провели небольшое социологическое исследование, где был вопрос: «Почему вы приехали работать на Север?» И некое честное отвечало: хочу заработать денег на машину, мотоцикл или квартиру. Конечно, это не плохо, и не жаль, что человек остался. И Томьен с ее проблемами для него — временное дело. И работа временная. А машина, на которой работает, тоже. Он будет, как говорят, выжимать рубли из-под каждого колеса. Он не станет о машине заботиться, что она подолжит послужить людям и после него. Так что для нас проблема стабильности рабочей силы имеет еще свой специфический оттенок.

— И мне кажется, ее можно решить.

— Вот ведь среди буровых бригад практически нет текучки. В течение долгих лет выработался своеобразная кадра, своеобразный, что ли, характер профессии буровика. Люди сработались, хорошо знают и дело, и друга, друга и условия края. Стучится переживает в новый район — едут еще бригадой. Никто не увольняется.

— Прощай осенью на реку Вах из района Иргима — Пуни перебралась целая колонна бурения. Плоторы тысяч километров вверх по Оби. Вереница парозодов и барж. Бурные стивки, машины, строматральная. Домашний шкаф с боем, с набором посуды. И ступ и мал — тысяча человек. Я увидел — сразу вспомнил «Келесный поток». Дагласа неукротимая лавина людей, обобщенных общей целью. Так жалко, что наши киношники прозвали это событие. Могла бы получиться замечательная документальная лента о трудовом героизме.

— Печально обрела Вах, поставили сборные домики — и сразу зима. Я как-то был у них. Вижу: тропинку. Спрашиваю:

— Как живете?

— Хорошо, — говорят, — живем. Работы много, а это — главное.

— Могли бы пожаловаться на всякие неудачи. Справедливо чего-то потребовало бы они; жаловаться надо.

— Щербина помолчал, как бы еще раз вспомнил все виденное. А я спросил:

— Борис Евдокимов, если исходить из перспектив томьенской нефти, какие профессии со временем станут здесь главными?

— Нефть и газ вадужны вторую жизнь в этой стране, они и в будущем останутся основой его экономики. Поэтому главная томьенская профессия — буровик.

— Но что добыть нефть и газ, а потому вывезти их к местам потребления и переработки, нужно построить буровые вышки, насосные станции, трубопроводы, шоссеные и железные дороги, рабочие поселки и нефтехимические предприятия. Это — делают строители.

— Когда будет покосится сено дорож, можно будет выезжать и за другие наши богатства — лес. А это потребует специалистов лесобойных и деревообработки.

— Не забывайте, что у нас третья часть Восточного Урала. А там —руды. Значит, найдется дело и горнякам.

— На юге области есть условия для развития интенсивного сельского хозяйства, и на севере тоже. Ведь только на поверхности наша природа так разнообразна: непроходимые болота, комары, гуси, а зимой — морозы. Визу, в недрах, она спланирована все разумно и щедро. Нефтегазовые пласты, как слоеный пирог, а рядом — горизонты с термальными водами. Хочется — значащий в скважину, чтоб увеличить дебит горняков. Хочешь — строишь теплицы, теплые дома, так что тебе не надо ни роптать ни роптывать силы, как ребята из колхоза «Большевик», тут будет где разгуляться.

— А вообще, перечислите все будущие профессии Томьени — дело рискован-

ное. Скажи кому-нибудь пять — десять лет назад о этномисии науки, о смех бы подняла. А сейчас у нас около двадцати научно-исследовательских и проектных институтов и их филиалов. В 1966 году на первую областную научную конференцию собралось 53 делегата, которых — почти 20 делегатов — в том числе — представлено 350 докладов. Приглашо конференцию проводить по секциям.

— Лучшие ученые Сибирского отделения Академии наук СССР для наших студентов читают лекции, которые региструются по телевидению из Новосибирска.

— А что скажете? Томьень — край великих возможностей для всякого, кто хочет искать, творить, учиться или учить других.

— Безусловно. Вы же улыбаетесь. Наверное, думаете, что расхваливаю свою область из чисто местных соображений.

— Честно говоря, да. Но я не считаю местный патриотизм большим грехом.

— Могу доказать примерами, что абсолютно объективен.

— Анатолий Мандринчиков когда-то приехал со студенческим отрядом строить Светлый. Сейчас он управляющий строительным трестом. Олег Москозев начинал у нас сразу после института. Сейчас — главный геолог в Усть-Валейской нефтяной области. Александр Шингарев, лаборант Ленской премии. А командует этим управлением с 1965 года Вал Мурилов. Михаил Чибевский приехал к нам с дипломом вуза, через пять лет стал главным инженером главка, который в год выполняет одиннадцать монтажных работ на двести миллионов рублей. И взрост каждого из названных имен — тридцать с небольшим...

— А как она же первая эксплуатационная на Самолоре... Я просто не могу не рассказать о них.

— Мое 1969 года стояла лютая. Минус пятнадцать, а то еще и пятнадцать с хвостиком. В такие морозы обычно не работают, а вынужденной простой рабочие оплачиваются. Однажды в такой денек подлетает к Самолору, видишь: тусят паровую самолорскую буровую в туру-болоту. Поучили там мастера на ней был Степан Пухв (из-под Полтавы к нам приехал). Принли мы на буровую, на вахте сам Степан: в такую погоду никому не работать. Мы и говорим:

— Что же ты нарушаешь инструкцию горного округа? При морозах ниже 35 градусов бурить нельзя.

— А он нам с таким упрямким акцентом:

— На я потроху-потроху...

— Спрашиваю его:

— А чего рискуешь?

— Как она же первая эксплуатационная на Самолоре...

— А месяц через три, одиннадцатого апреля, как раз в день Всесоюзного ленинского субботника, я вместе с начальником главка Мурывленко Виктором Ивановичем снова прилетел на Самолор. Там к этому дню были закончены все подготовительные работы, и решено было в торжественной обстановке пустить первую самолорскую буровую в туру-болоту. Поучили это сделать Степану Пухву и Ивану Ренькову, начальнику промысла. Они на этот скважине дедали и находили, они ее бурили, им, естественно, и пускать ее в строй. Я предупредил:

— Разрежете ленточку, обязательно речь скажите.

— Нада, как вы видите, я своим выслушиванием они пухсти пухсти. Степан даже о речи बात, но Ренькову напомнил, и Пухв сказал:

— Поздравляю! Самолор заработал!

— Вся речь — три слова, а сколько смысла! Этой тогда самое главное в жизни — работа. И все события он оценивает с этой точки зрения.

— Тогда же было в феврале, в том же году, когда мы на строящуюся магистраль. Мороз. Варты тратьбу нельзя. Но народ не раскодаши. Сидят у костра, греются. Я подошел, в шутку спрашиваю:

— Что же не работаете?

— Один молодой парень (не знаю фамилии, не спросил тогда) говорит: никто из них даже не подумал, что вот каким образом можно выдерживает морозы, сыпется, а люди — ничего, только злятся от вынужденного безделья.

— Поздравляю, вы держитесь!

— Борис Евдокимов, освоение богатств Томьенской области объявлено гигантской Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Скажите, какие содерания имеют эти понятия для вас? А что вы можете сказать о помощи, какую помощь ждете от комсомольцев страны? В чем видите главную задачу молодежи в разработке томьенских недр?

— «Томьенская нефть» — совершенно новый вид комсомольской ударной стройки. Главная ее отличительная черта заключается в том значении, которое оно имеет для народа. Главная задача — освоение огромных ресурсов.

— Многие особенности этой стройки — обусловлены суровым климатом района. Обустройство одного жилища Севера обходится государству в 20 тысяч рублей. Поэтому томьенская нефть и газ можно освоить не числом рабочих рук, а только умом и опытом. Эта стройка будет поистине наиболее грамотных экономистов, техников, инженеров страны.

— Они к этому обязывают не только суровые условия наших мест, но и тот социальный прогресс, который постоянно идет в нашем обществе. Средний образовательный уровень рабочего, занятого на томьенских нефти и газе, — 9—10 классов. Такой грамотный рабочий не может и не должен трудиться по старинке. Ему можно игове доверить, с него можно игове требовать.

— Наша молодежь — это поколение рабочего до умного и производительца — должно сосредоточить внимание на решении проблем технического прогресса. Только тогда Томьень сможет стать современно ударной.

— «Нефтяная река Томьени». Иначе понимаю это выражение буквально: от скважины нефть по трубам течет к магистрали, образуя из рученьков мощную реку, которая несет нефть в комсомольский завод и химический комбинат. Это верно, но только неполноценно.

— «Нефтяная река Томьени» — это еще и слившиеся вручную опытом передовиков, их поисков и находок, их маленькие и большие открытия. Это труд рабочих и ученых, инженеров и экономистов. Это и платформа на воздушной подушке, которая позволяет через топн смонтированную буровую. Это и все, что теплится на топках. И помпдор, выращенный в Заполярье на тепле термальных вод.

— Это огромный человеческий труд, собранный воедино и коротко названный: «Томьенская нефть».

Кругозор современника

Солнце Сарьяна

немногим, — человек не застрахован от бед. Зато в любую минуту готов к ним. Это — главное. И силы он получает отсюда. — Сарьян приспособился к вису, — как дереве получает сок жизни из самой глубины земли.

Только человек, выработавший в себе волю, способен в полной мере противостоять тем испытаниям, которыми промеряет его жизнь. На Востоке говорят: по-настоящему несчастен лишь тот, кто за целую жизнь не научился бороться с несчастьем.

А ЕСЛИ ИСПЫТАНИЯ СВАЛИВАЮТСЯ НА МОЛОДОГО, НЕ ИМЕЮЩЕГО ЖИЗНЕННОГО ОПЫТА ЧЕЛОВЕКА?

— В этом случае важно, чтобы рядом вовремя оказался старший — умный, терпеливый, отзывчивый. Это может быть отец, брат, учитель,

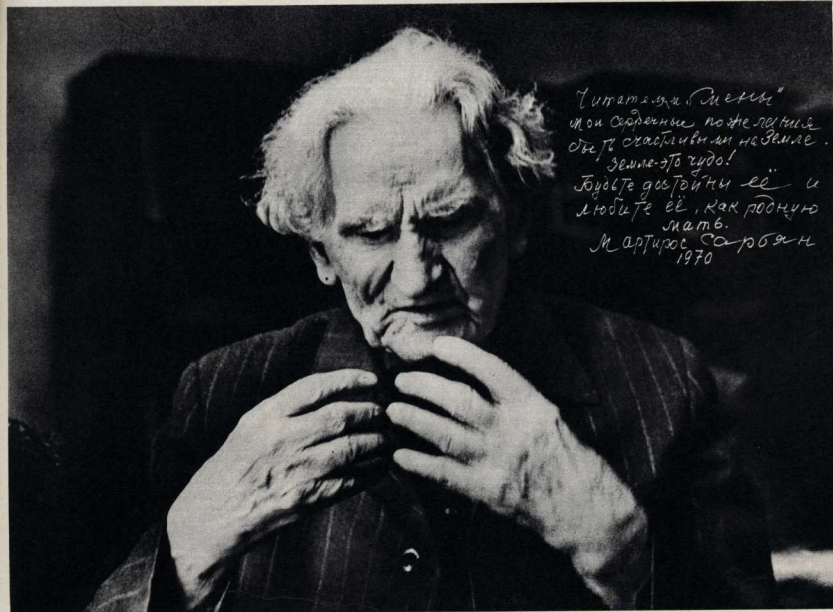
В кадку 90-летия Сарьяна я приехал к художнику, чтобы закончить нашу давнюю беседу.

— «Смена» — добро пожаловать, — встретил меня на пороге дома старый вариант.

...Мы говорили уже долго, когда кто-то из родственников тихо вошел в комнату. Наклонился к Сарьяну и быстро заговорил по-армянски. Художник как-то сразу поворачивал. Потом, глядя в пол, сказал:

— Как жаль, когда из жизни уходит люди, которые еще столько могли сказать миру...

Иногда его осунуло, почернело. Я невольно подумал: сколько личных трагедий перенес он за свою долгую жизнь, сколько друзей и близ-

*Читательница "Смены"
и мои современники, пожелайте
отца счастливым на Земле.
Земле-это чудо!
Будьте достойны её — и
любите её, как родную
мать.
М. Артирос Сарьян
1970*

ких по духу людей потерял, — а он не переставал повторять:

«Больше всего на свете я люблю жизнь. Пока есть жизнь — есть счастье. И так будет вечно...»

Однажды во время автомобильной катастрофы трагически и внезапно погиб его старший сын, Саркис. Каждый поймет безутешность старого отца. В другой раз, с триумфом возвращаясь из Парижа после первой персональной выставки, он узнал страшную весть: более тридцати его картин, плод полуторалетней работы на берегах Сены, сгорела в трюме судна... А еще как-то...

— **МАРТИРОС СЕРГЕВИЧ, ГДЕ ДОЛЖЕН ЧЕРПАТЬ СИЛЫ ЧЕЛОВЕК, ЧТОБЫ ВЫСТОЯТЬ И ПОВЕДИТЬ ТРУДНОСТИ?**

— Трудности. — Верилась борода еще под нос, Сарьян опускается на ступ. — Свободный от страданий еще никто не рождался.

Взянув голову в плечи и наспушившись, он зарывал нос в спеша, старательно, как при письме, раставляя зенки предлинная.

— Каждый прожитый человеком день должен углублять его миропонимание, приближать к вершине постижения самого себя. Но и тогда, когда эта вершина «взята» — подобное удается

На вопросы
корреспондента «Смены»
Виталия ЗАСЕБА

отвечает
народный художник СССР,
лауреат Ленинской премии
Мартiros Сергеевич САРЬЯН

товарищ по работе. Главное в эту минуту для юноши — понять, что он не одинок, правильно оценить перспективы. Потом, я не согласен с утверждением, что молодые люди лишены опыта. Это неверно. С первых шагов человек сталкивается с препятствиями и, преодолевая их, приобретает навыки борьбы. Жизнь есть борьба...

— В ПОРУ ВАШЕЙ ЮНОСТИ, ВОПРОСИ КОТОРОМУ ВЫ СТАЛИ ХУДОЖНИКОМ?

— Вы имеете в виду первое зрительское «признание»? — углубился Сарьян.
— ИМЕННО, НЕ МОГЛИ БЫ ВЫ, МАРТИРОС СЕРГЕВИЧ, ПОПОДРОБНЕЕ РАССКАЗАТЬ О НЕМ?

— Что ж, можно рассказать...

Почти неподвижное лицо Сарьяна ожило. — Я ведь родился не в Армении, — начал Сарьян. — Мой отец был крестьянином. Это он научил меня любить землю, помог выработать настойчивость в характере. Мы жили близ Ростова-на-Дону. Окончив в Нахичеване четырехклассное городское училище, я стал работать в конторе. Оформлял подписку на журналы и прочее переводил. А между делом рисовал. Особо мне нравилось делать портреты наброс-

КОМСОМОЛЬСКИЙ ХАРАКТЕР

КРАСНЫЕ НОСЫНКИ

Юрий ПЕТРУНИН,
Сергей ПЕТРУХИН (фото)

**ТРУД,
ПОИСК,
ЭНТУЗИАЗМ—
XXIV СЪЕЗДУ
ПАРТИИ! —
ПОД ЭТИМ ДЕВИЗОМ
ВМЕСТЕ СО ВСЕМ НАРОДОМ
РАБОТАЕТ СЕГОДНЯ
МОЛОДЕЖЬ
СТРАНЫ.**

Из девяти троллейбусных маршрутов Чернигова четыре начинаются у комбината химического волокон. Часы «пик» на них зависят от расписания смен у химиков да их соседей с камвольного комбината.

Девчата, выйдя из проходной, не бросились бежать и отправляющиеся троллейбусу, а решили подождать следующей машины: хватит, уже настолька за целую смену. Потом заняли чуть ли не полчаса.

...Надя Васильюк едет с зажатым в кулаке крупным цветком. Девчата беспокоятся:

— Смотри, чтобы не сломали твою «пиюню».

— Ничего, она стойкая, — говорит

Надя, — всю смену со мной отработала. Не из веженок.

— Так пусть бы она за тебя и крутила, — шутят подруги, а одна еще и выдыхает: — У нас в селе так хоть целыми стонами равн их, а тут на каждый стебелек расценка.

Цветок — подарок помастера Станиславу Павловичу Кулакову, который болел вот уже почти месяц. И все это время после работы или перед ней (если выходят в вечер) крутильницы навещают своего старшего товарища.

Дружная компания покидает троллейбус за одну остановку до больницы — у «Гастронома».

Под прикрытием добрых больничных лих за круглым доминионным столком каким-то чудом уместилось девять человек. Навстречу де-

Помощник мастера Станислав Кулаков — первый помощник и советчик девушек.

вупшак поднимается Станислав Павлович.

— Зачем это вы опять сегодня накупали? И где Рая? Гостица вроде бы она должна была прийти.
— А мы за нее, — отвечает целый хор. — У нее внеочередная репетиция.

Рагаторв переносится на комбинатские дела. Никаких цифр, никаких процентов не нужно. Станиславу Павловичу достаточно узнать, что все идет по-прежнему, то есть нормально. Интересует его только отношение крутильщиц к новому (по временному) помпастера — тот хотя и пожилой человек, но по комбинатной должности молодой.

— Хороший дядечка, — говорят дечата, — но какой-то неразговорчивый. Стесняется он нас, что ли, или боится?

Ничего, — успокаивает их Кулаков, — вот я через неделю выйду, выйду, тогда и наговоримся. И про график и про контрольные размотки. Как там, сортировщик к концу месяца не предвидит?

Все почему-то посмотрели на Любу Шевчу. А та — крепкая, румянощкая — раскраснелась. Все же приятно.

«Дело было в марте. Не успев и дечат потукнуть праздничные вешалочки, как грянула беда. Месяц из марта не вышло ни праздника, ни শেষидий в квартале. Плановики подсчитали, что дечату тяжело будет с программой. Администрация бросила на прощанье стеллаж даже сортировщика. А это значило, что контрольные размотки больше не будет и результаты первых проверок станут сразу итоговыми. Обычно контрольные размотки крутильщице по несколько раз в месяц подходят. Набирают по целой охапке катушек и тщательно их проверяют. Потом в последних чинах для каждой работницы выкладывают процент катушка.

И вот у невезучей Любы все было проверено 20 катушек (а за один раз выкрутили их более десятка тысяч), в одной нашли брак, и больше проверок не было. Примитивно был 95 процентов!

Люба, конечно, расстроилась: ведь комплект катушек был более ей обидно, что по итогам прошлого года она даже знак качества имела — ни одного замечания не было. А тут такой срыв. Везет повозити, что от случайности ничто не астраховано, что забракуют катушку, достаточно хоть один узел на ней зацепит, например.

У самой-то Нади размотка покорила 100 процентов. Положение обязывает: она и комсорг и лучшая крутильщица. И даже — самая высокая по переваливанию всех. Раньше, бывало, как какое «Ш», прибежит к начальнику смены Борисову, раскраснелась: «Что же делать, Николай Андреевич? Нади опять масляная петля. А ведь все вроде бы делал одинаково». Теперь пошел другой разговор — самокритичный, с вильями.

Давать будем повнимательней и друг к другу и к машине. Не разучились же мы в самом деле работать по-настоящему!

В апреле мартовского неприятного были забыты. Когда подвели итоги предъезиднейго соревнования, скажались многогосетная отличная работа всего комплекса. Комсомольская бригада Васьков и ее полурт была названа лучшей по всему Чернигову. Были привезены, дипломы и выданы денежные медали — все радостное. И было еще пропущено в 48-й машин.

Вхта на 48-й — интересное дело девушкам. На заводе в Ташкенте это была машина как машина, а на комбинате в Чернигове она попала

как бы в запястье — на самую границу участка. На последние машины работниц всегда не хватало, и потому они чаще всего бездействуют. Чернее, без правдивого награда бобин и катушек, стоят они, как зимние деревья с голыми ветками. И их потихонечку «раскулачивают».

Когда и достают какой-то бобин, то получают ее один неприятности: нити рвутся, бобины не крутятся.

Такой была и 48-я машина. Про нее даже легенды пошли: дескать, стоит она под плохим кондиционером, и атмосфера вокруг нее из-за этого неподходящая. Действительно, из-за перераспределенного воздуха, например, нити могут ослабнуть. Поэтому-то в шахе и поддерживается искусственный климат, за которым бдительно следят самоинженеры, считая, что причину плохой работы 48-й надо искать в буквальном смысле вовсе не на потлке. Свою правоту они сумели доказать.

В начале декабря 1969 года кто-то принужден, что до денюшкого юбилея их смее остается обработать ровно сто дней. Тогда и решили крутильщицы в эти дни пополнительно обслужить 48-ю машину и давать на ней высококачественный корд. Кулаков проследил за технической стороной дела, подготовил смету. Нака вышла на себя организацию: завела журнал сверхплановой выработки. В первый день ввухты съем с подшефной машины столько же до нормы, сколько и в другие. Но дечата пересторожничали и передержали отдельные веретена на тормозе, исправляла брак. На крутые это возможно, если завести замечания ту же малюютя неуго. Это называется «облагородить» катушку, когда с нее снимают несколько грязных витков. На второй день дечатура Нади. Она работала уже смее. Продумала заранее маршрут обхода своих постоянных двух машин и дополнительной. В любой момент зная, какие бобины и катушки погребут смечи. Так и свою полуртону работу выполнила и вчерашнюю недоделку покрыла. Но устала серьезно. Впервые пропустила репетицию на 48-ю. Позднее, в одном из докладов, вхта будет названа вхтой борьбы за полную загрузку оборудования. А по существу, дечатура Нади — это орудие оного нессиметрической последователю с семи ниями. И в декабре, и в январе, и дальше, до 21 апреля включительно, подшефная работница высококачественную продукцию. По журналу подсчитали общую выработку: получилось около пятнадцати тонн. Вот катугу корд которой нити рвутся государствену! Работа была безвременной.

Подарок был в духе лучших традиций коллектива. Так же вот подруги отличались накануне полуртского юбилея. Но в этот раз они были завоеваны право называться «имени Павки Корчатина». А задучу эту они сами себе поставили.

Три года назад пришли они на комбинат из техникума. Группная дечата, направленная на крутку корда, попросила администрацию не расплывать их, а разрешить остаться здесь. Неудачно. Им пришлось выдержать пеня для зачисления в ветераны и так невесом. Но тут речь шла о вечерних школьницах, которые попросили делить доверять им ответственность. Им было предложено все-таки пойти навстречу. В помпастера тогда им дали Жору Павленко — тоже комсомольца, но

уже опытного производственника (сейчас он заместитель секретаря комитета ВЛКСМ всего комбината).

Жора распределил дечат по машинам. Начали работать, начали прирабатываться. Нади Васьков как больше другие освоилась с ролью работницы. Тогда и выбрали ее комсоргом комплекса. Рабочие пятидневки ошито складывались в месяцы. Молодые крутильщицы работали неплохо, но не хватало какой-то общей идеи, нацеленности на испытание, как по-настоящему было в школе и в училище. А комсомол шагнул к своему юбилею. На многих заводах развесившая членов первых вех, воссоздавая историю организации. Каприщикам в этом смысле тяжелее: их история только начинается. Но ведь не сами по себе они появились. Истекло-то обеще.

Навменно и Васьков предложили комплексу начать борьбу за право называться корчатинским. Почему? Фигуря Павка в Бюрье — полуртского, большого, но с высоко поднятой в замаке киркой — давно уже стала символом трудового героизма. А теперь дечата могли по достоинству оценить и следующие главы романа, где герой тонул в «огромные каменные коруспа... к тихому шороху шпиков». А как было не вспомнить Павку, прогрессивного шпавор «блестящий музуром и жемуром пементаый пол», как было не вспомнить его на своих суботниках!

«Мы это дело расквачем шире», — обещал товарищ Павка, и ясно, что речь шла не просто о проволочном коврикче у двери цеха. Это горворилось о новом отношении в тру-

ду, о авалке тех черт рабочего характера, которые входят и в наш моральный кодекс.

В официальном цеховом документе написано, что силами комплекса № 1 в неустрое время вымотано столько-то тысяч квадратных метров поля, протерто 150 метров монорейса, расфигурено 10 тысяч катушек. А в своем рапорте о досрочном выполнении обязательств комсомольцы писали короче: «Активно участвовали в суботниках». Общедельность 1,5 тонны сарья, а вышло 2380 килограммов. И самое главное — выпустили сверх плана 35 тонн корда. Если это перевести на кордоре полотно, где капришка чуть идет на основу, потом пересчитать на шпны и на грузники, то получится, что дечата помогли «обуть» потрясающую автокомолу. Вот бы ее в свое время на Бюрьеую лесороботку!

Так в цехе появились корчатинцы, о которых вскоре узнал и весь город. А они шутили, что центральную тапцшпашку Чернигова на древнем Валу из-за них называют «кордодромом». И речка Кординоква будто бы тоже им обладала столь необычным названием. Ну, а кроме шпото, конечно же, комбинат существенно вошел в жизнь тысячелетнего города. Добрая слава капришников поддерживается трудом тысяч отамощиц и аппаратушек. Во том же шахе крутки корда много есть отличных работниц. Предложение о переходе на рашинный фронт обслуживания — полурта машина на две — родилось, кстати, в другой смене, не в Юриосовой. Но именно корчатинцы первыми подхватили почин товарищей

Такие разные, такие непохожие, они едины в дружбе и работе. Не гра же вместе они — бригада.

по цеху: начали уверенно выполнять повышенную норму.

Как-то незаметно почти все девчата оказались на общественных постах. Кто — профорг, кто — культорг... Оля Гришко стала членом совета комбинатской библиотеки. Ганну Ременик даже в комсорге смены выдвинули, ее заместителя — Люба. Обе студентка-экономисты, друг друга выручают. А Надю ни в какие верха не отдавали: самим нужнее. Но права на нее теперь предъявляют, кроме шести братьев и сестер, подрастающих вдвоёмку, кроме подруг по работе, еще и пионеры одной черниговской школы и девушки из ансамбля бандуристок.

В цехе же сейчас по множеству нагрузок добавилась сразу всему комплекту еще одна — узкие бумажные ленты, прошитые ровными рядами цифр. На каждой машине своя лента. Это тот самый график электронного происхождения, о котором Н. А. Борисовен сказал:

— Рассчитывали его машины, а выполнять будут люди.

Новый график отменил авралы — это хорошо. Оля Гришко сумела вычислительную машину в ошибку уличить:

— Ой, Николай Андреевич, посмотрите: после десятого числа опять десятое пробито. Что ж мы, на «бис», что ли, будем повторять?

Во время работы XVI съезда ВЛКСМ корчагинцы удивлялись, как много из говорившего там имели непосредственное отношение к их участку. Шахтер Сидики интересно высказался о романтике квалифицированного труда, а не об этом ли спорили девчата со своей

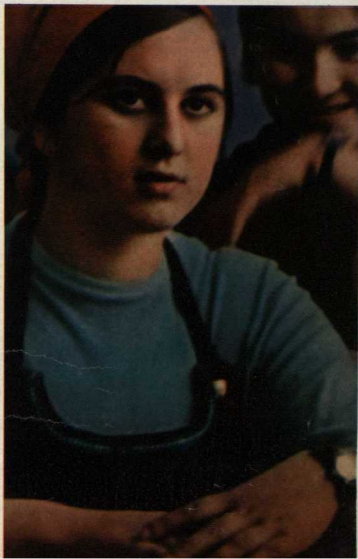
бывшей подругой Аней, которая сконфузилась в цехе, захотела чего-то такого геологически-таежного, но до сих пор сидит дома и, кажется, нигде не работает? Тихоня Шевченко из Купавны рассказывала о своих 22 парашютных прыжках — купольная ткань не подведет.

— А стропы-то капроновые, — прокомментировали черниговские крутильщицы.

Предложение о создании Фонда комсомольской экономии сразу напомнило о кулаковском приспособлении, позволяющем прямо на машине былые отходы превращать в заготовки для рыбачьих сетей, воловьих сеток и т. п. Станислав Павлович придумал свое веретено, а девчата внедряли его в жизнь. Одной из первых дополнительную операцию освоила Надя.

Вот она идет по оттопленным до блеска мозаичным плитам цеха. Приподнимается на цыпочки, чтобы достать бобину с верхнего ряда. Неудовольствием являст узел, а сама смотрит вперед. Мигновка — и красная косынка плывет уже с другой стороны машины (косынок в цехе много, но на красную имеет право только ударница).

У комсорга сейчас жвакает забот. Вместе со всем комбинатом приняли недавно обязательства к XXIV съезду партии. Девчата решили сэкономить по дню открытий съезда 900 килограммов шель, выпустить сверх плана 12 тонн высококачественного корда, а норму выработки довести до 106 процентов. Обязательства немалые, но на то они корчагинцы, чтоб брать ношу потяжелей. А другая жизнь просто неинтересна...

Надя Васильков. Комсорг и ударная крутильщица.

ЛЮБОВЬ И ЗНАНИЯ

Юрий НАГИБИН

РАССКАЗ

Я помню в мельчайших подробностях все события того необыкновенного дня, но, как ни странно, не помню основополагающего события: с чего все началось, какой праздник нарушил обычное течение школьной жизни тем далеким днем уходящего мая. Загадочный инструмент — память: сохранила для меня на всю жизнь запах Катиных волос, дробь барабана, тяжесть знамен в руках и упустила главное, — почему вдруг барабаны, и знамя, и близость Катиных волос, почему вдруг группу пионеров нашей школы освободили от занятий и, соединив с пионерами близлежащих школ, повели в Театр Революции, а потом на Красную площадь?

Конечно, при некоторых усилиях можно установить, какое тогда происходило торжество, но что это даст? Один честный писатель-маринист говорил, что завораживающее обилие названий в его морских писанинах — вовсе не от блестящей памяти, просто он не ленится заглядывать в старые лоции, атласы, карты морей. Ну, а мне хочется обойтись без старых лоций, обойтись чистой памятью, вернее сказать, довериться ее творческой игре.

Был Великий пионерский праздник на пороге лета. И мы двинулись от дверей школы в Лобковском переулке к Покровским воротам, месту сбора пионеров нашего района, затем по кольцу «А» и Никитской, откуда рукой подать до Театра Революции.

То был долгий, хотя и сладостный путь, — радом, касаясь меня локтем смуглой руки, шла Катя Вишнякова. Присутствие Кати делало меня счастливым, хотя и несколько компрометировало происходящее. Считалось: то лишь лучшее из лучших удостоилось чести представлять отряд на празднике, а Катин пионерский энтузиазм был весьма сомнительного свойства. Порой она не прочь была поиграть в пионерку, как, впрочем, и в прилежную ученицу, но хватало ее ненадолго. Нельзя быть одновременно и первой красавицей, и отличницей, и украшением пионерского отряда. Катя испорчено несла службу рыда. Конечно же, вожатый-старшеклассник прочил на ее место кого-то другого: или длинную, плоскую, как гладильная доска, Агнию Шингину — учительницу всех школьных добродетелей, или Зину Кострову, всегда готовую зазвать на свои крутые, борцовские плечи любую нагрузку. Но где-то недалеко стояла Катя, лентяйка и распустеха, и хлопала пушистыми глазами, и это непомолаю движением бабочки-траурницы, то сводящей, то размакующей темные бархатные крылышки, и, проклиная себя за бестерпчивость,

будто отодвинулась в тень. Она понимала, что несет на Красную площадь лишь свое бесценное девичье сердце, а мы — душу будущих солдат. Наше поколение воспиталось на песнях гражданской войны. И едва лишь торжественно выставленный плащ, ложился под ноги, мы становились воинами и мечтали погибнуть в бою. Для многих из нас эта мечта сбылась...

В последнем кратком замешательстве близ светлой расщелины между Кремлевской стеной и красно-кирпичным Бомом Исторического музея Колья Лазукин, школьный бузтер, почему-то всегда знавший командные пункты, определил нас с Павликом в плакатоносцы. Нам доверили широкие красные полотнища с лозунгом. И хотя это окончательно разлучило нас с Катей, мы не колебались, ибо принадлежали сейчас грому, а не соловоному свисту. И тут во мне взрывалась дерзость, порожденная недавней победой — не над Катей, над самим собой.

— К черту! — сказал я. — Давай мне знамя!

— Что-о! — прищурился Лазукин. — Ах ты мелочь пузатый!

Я повесу знамя!

Колька усмехнулся аццкой, людоодежной улыбкой заветного бузтера.

— Правильно, — сказал он, — тебе только и носить.

И сразу мне в грудь ткнулось древко знамени. Я едва успел обхватить его руками, как Лазукин втолкнул меня меж двух рослых знаменосцев, и мы двинулись.

Вспомню знамя на плечо, я удивился, какое оно легкое. Мы шли по торцово-вой мостовой, слегка прохлывающей под подошвой. Мостовая здесь примене горбились, а впервые заметил, что Красная площадь находится на холме. Но так и должно быть, что же ей, в низине лежать!..

Знамя, конечно, не было легким, но и тяжелым его не называешь, оно хорошо и прочно давило на плечо, и рука, лежащая на древе, без всякого усилия создавала противовес.

Сзади идет Павлик. А еще дальше в колонне — Катя, и она видит мою мужественную спину и крепкое плечо, противоборствующее давлению древа и раздаленной вышине, с золотой бахромой и грузными золотыми кистями, с золотой массивной стрелой на конце древка, самое большое и тяжелое знамя в отряде, а может, и на всей площади!..

Мы приближились к Мавзолею. Еще нельзя было разобрать, кто там стоит, и тут оба знаменосца сделали короткий, резкое движение, и знамена из наклонного положения стали стоймя. Я поспешно последовал их примеру. Так нести знамя оказалось куда труднее, хотя в ход пошла и левая рука. Раньше основная тяжесть приходилась на плечо, а теперь сосредоточилась в руках.

Я покосился на моих соседей — они, окаменев лицами, печатали шаг: знамя будто выростало из тела, прямое, гордое, древко не шелохнется, легкий ветер играет кистями, будто листья дерева. Я тоже попробовал замечать лицом, но сам чувствовал неудобствительность своей гримасы. Мы как раз приближались с Мавзолеем, когда оба гиганта враз подняли знамена и понесли их перед собою на вытнутых руках. Я чуть замешкался.

Был краткий миг блаженства, когда я поверил, что могу делать все то же, что и они. Этот миг ввнесла клочок голубого неба, нестридь Василия Блаженного, едва угаданный промельк Катиного лица, аспышку гордости и, не оформившись в отчетливый образ переживанья, пропал в липком страхе, что мне не удержать знамя.

Душа во мне заметалась, как зверек в клетке. Я не отважился глянуть на Мавзолей, мои глаза были прикованы к рукам, сжимающим древко, с болбами, и впереди есть столько народу!.. Господи, мне надо оказаться на месте тех, кто вышивает вальд Мавзолей, затем тех, кто миновал Мавзолей, и тех, кто достиг Василия Блаженного!..

Знамя таяет мне вперд, я пытаюсь сопротивляться, но все же обгоню боковых знаменосцев. Краем глаза доловю ослепительность их безостановочного героического лиц, и мне становится еще хуже. Они идут так стройно, так прямо и четко. Что есть силы стараюсь не семенить, подравниваю с ними. Спина, плечи и локти одеревенели, но эта одеревенелость не придает крепости, напротив, лишает власти над своим телом. На руках от кисти к локтю надулись теплые жилы, они так напрягаются, что руки светят судорогой.

В странном сползствии я провижу, что сейчас произойдет. Я роняю знамя перед самым Мавзолеем и падаю сам. Но это не спасет меня. Лишь мертвому позволено выронить знамя, а я останусь живым и пролду через то чудовищное унижение: замешательство, задержка колонны, крик, затем кто-то подхватит знамя, поднимет за ширину меня, встрахит и толкнет вперед. В огромном коловорачении площади это может остаться незамеченным. Нет, с Мавзолеем все видно. Там увидят, что упало знамя, а знамя не должно падать!..

И все-таки оно упадет — алым бархатом на торцовую мостовую, золотом шитья и кистей — в пыль и, падая, острым своим наконечником зачеркнет сегодняшний день и все, что было, и все, чем, казалось, стал, зачеркнет мне душу. А затем не стало ни страха, ни стыда, ни сожаления, все кануло, осталось лишь безмерное одиночество, пустота. Страхное одиночество среди стальных людей!

И вдруг из этой пустоты ко мне протянулась рука. Я не знаю, как это произошло, но я уже не был один. Я слышал голос Павлика и чувствовал его за спинкой, его дыхание касалось моего виска. Я не различал обращенной ко мне слов, какой-то тупо наполнил голову, но я знал одно: если упаду, знамя подхватит Павлик. И я шел...

А потом кто-то пытался вырвать знамя из моих рук, но я не отдавал, вернее, не мог отдать, потому что свело пальцы.

— Отпусти, — услышал я тихий голос Павлика, — теперь можно.

Да. Красная площадь осталась позади. Перед нами была Москва-река, и как всегда, здесь, у реки, колонны расслабились, стали толпой. А знамя хотел забрать Колька Лазукин.

— Вытри лицо, — сказал Павлик.

Я уступил знамя Лазукину, достал носовой платок и стал вытирать мокрые и почему-то грязные лица.

— А ты силеи! — с иступной, неуверенной игривостью сказал Лазукин.

Я отвернулся. Меня трясло и немного мutilо. Руки были как чужие, я едва справлялся с платком. У меня не было зла на Лазукина, просто сейчас не хотелось ни с кем разговаривать. Даже с Катей. Я мог сейчас молчать с Павликом — больше ничего. Все стало как-то неважным, второстепенным.

Я бросаю ребятам и крайшним путем, через Селянку и Старосадский, пошел домой. Потом в часту думал, почему мне было так печально в остаток того необыкновенного дня, когда я поцеловал девочку, пронес знамя и узнал, что такое дружба.

Леонид Николаевич Хейбин.

Твоя профессия

Лина ТАРХОВА,
Владимир АННИ (фото)

СВЕТЛО
И ТЕНЬ
ТАКОЖЕ
"ТАКОЖЕ"
ЖИЗНИ

Одно из чудес кондитера.

Капризные бисквиты стоят, как актеры за два часа до спектакля — без грима и украшений, стоят, коня свою магнетическую сладкую смаку, чтобы ровно через 24 часа быть усеянными во все концы непохожего на другие островного города. Таалия — город удивительный, и это отмечает всякий журналист, побывавший там. К этому можно добавить, что столица Эстония — города последовательный. Жители Таалии ценят красоту, и жизни их сопутствует бездна изысканных мелочей вроде кожаных футляров для книг или вилочек для бутербродов. Таалинцы обожают цветы, и в любом крошечном цветочном магазине вы купите тяжелые мажорные гвоздики. Издавна знают таалинцы толк в изысканных изделиях кондитеров — и потому у них есть Леонид Хейна.

Кабинет его устален будничными тортами почти до потолка. Крошечная

комната до головокружения наполнена слоистыми запашками кардамона, гвоздики и таинственного агар-агара, героя детективных романов. Агар-агар растет в океане у берегов Японии, коричу привозят из экзотической Африки. Только так невероятно может пахнуть кабинет восточного кондитера. А вот он сам — умянется, отстранится от письменного стола. Неожиданно худой, большеногий, остроусливый, светлые мурды глаза. Наверное, таким представляют себе дети старозаветного доброго полу Карола.

Среди стеллажей, кастрюль, тарелок, расставленных с непонятной мне логикой и прикрытых белой тканью, вычурно место для письменного стола. На столе ваза с туттиями владимира гладыусами и лист бумаги. Начало всего — белый лист бумаги, потому что лаборатория кондитера не кастрюль и чайдовая с припасами, а лист бумаги и карандаш.

Как у математика, или поэта, или бухгалтеря.

— Леонид Николаевич, сколько ваших рецептов, ваших изобретений ходит по свету?

— Даже не знаю. Я никогда специально не считал. Некогда. Но, если приблизительно прикинуть, думаю, около трехсот выберется. Самые удачные, если назвать, это, конечно, торты «Ореховый», «Талинский», «Лимонный», печенье «Талинская лакомка», «второжные конвертики».

Я-то уж знаю, что за объединение «второжные конвертики» или несравненный «Ореховый». Прежде чем прийти к Леониду Николаевичу, не один день с большим удовольствием и изучаю его работу в кафе, которому город дал свое имя. А потом, заходя в другое кафе, молочные вафли, стою, вволю встречаю знакомцев — все самое вкусное, что вымывается и съедается здесь, создано фантазией Леонида Хейны, кавалера ордена Лепина, лучшего кондитера Эстонии и, быть

может, всего Советского Союза. Во всяком случае, к нему ездят за наукой кондитера именно вся страна — из Южно-Сахалинска, Караганды, Киргизии, Кинешева, Альова, Киева, из десятков городов. Недавно приезжала из ГАР — задала вопросить у себя кафе «Талины» и, конечно же, прислала советовать к Леониду Николаевичу.

Что говорить, вкусу было знакомясь с работой этого человека. В Таалии я все время вспоминаю, как ждала мы в детстве праздника, потому что в праздник-мама печет пироги. А как же мы заводились тем, кто работал на кондитерской фабрике — его заказы иногда нестерпимо доносились ветер до нашего двора. И весь наш двор утверждала, что в кондитерии паут те, кто любит сладкое.

Сейчас мне захотелось проверить «ипотеку».

— Вы любите сладости, Леонид Николаевич?

— Что вы! Мне сладкое нельзя, я диетик. И дома, как варочник, ни сын, ни жена их не любят — им семедку поданной и на первом и на третьем. А стоящему кондитеру и нет необходимости любить сладкое. Ведь достаточно одного взгляда на рецепт, чтобы понять, какого вкуса и куда тут идет печенье будет после выпечки. И я новые рецепты так составляю — я умею или с карандашом.

«Все-таки очень повезло всем нам, кому можно сладкое, что в 1934 году из длинной очереди безработных в кафе «Харью», где обещали взять учителя-кондитера, выбрала Леонид Хейну — долговязого рюкостного парня, сына дворника, с двумя сестрами университета (аргументы) за племянника. Учтись дальше не было средств, и Леонид, когда от объявления об объявлении.

— А если бы вас не взяли тогда и вы не стали кондитером?

— Был бы кем-нибудь другим. Я недолгое время работал чертежником и очень это дело любил. Во время войны при мобилизации состава накардаывал гипс. Не хвастаясь, скажу, но мне всегда была очередь дойти. Гипс накардаывать я любил аккуратно, точно все сделанное — самого дупна радуется. Таковой, видно, характер — я, как ни странно, всякую работу, какой занимаюсь, люблю. Во всякой любви к работе, которую делаешь, есть, как мне кажется, две части — любовь именно к ней и любовь к труду вообще. Если в человеке не сумела воспитать второго, ему любое дело будет не по душе. Много я видел ребят, которые не могли ни на какой специальности остановиться. В кондитере пойти — там трудно, в токарю — скучно, в профере — мало, разнорабочий. Так ведь можно перебраться все двадцать тысяч современных профессий. А все дело в том, что люди работают, упорно работать не умеют. Когда работу выбранный, надо думать не только о том, любишь ли ты ее, а и так: тебе она полюбил ли?

— Какого же человека ваша работа не полюбил?

— Ленивого. Это самое плохое для кондитера, если он ленивый. Например, нужен новый рецепт. Над ним издалбливал мучившийся, над самым рецептом. Потом пробные выпечки. Вот у меня в журнале записано: для «Лимонного» торта мы делали по 7 выпечек. Его можно встечать так, что на 10 килограммов продуктов выход будет минус 800 граммов, а можно и так, что плюс 750. Это же надо найти. Наша работа кропотливая, а ведь много мелочей, и все важнее. На каком-то вокзале — иногда любознательство

Болгаро-советский клуб молодой творческой интеллигенции был создан три года назад. Эта новая форма развивающихся, крепящихся связей между Дижитровским союзом молодежи и Леванкием комсомолом преобладают дружеские встречи молодой творческой интеллигенции двух стран, широкое знакомство с жизнью и культурой советского и болгарского народов, творческие дискуссии по важнейшим вопросам совре-

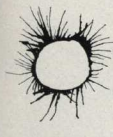
менности. И нет сомнений, что плодотворное сотрудничество будет крепнуть и вперед.

Поэзия уже шесть заседаний клуба (три — в нашей стране и три — в братской Болгарии). Встречи, знакомства, дружеские споры, обмен мнениями. В Болгаро-советском клубе представлены почти все жанры и виды искусства: кино, живопись, театр, музыка, проза, поэзия, критика... Особенно плодотворна деятельность ли-

тературной секции клуба. В этом году одержательно в Москве, в издательстве ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», и в Софии, в издательстве «Народна младеж», выходят сборники «Шипка», в котором будут представлены произведения молодых советских и болгарских прозаиков и поэтов — членов клуба. Сегодня в гостях у журнала «Смена» молодые болгарские поэты.

Георгий СВЕЖИН

СТРАНИЦЫ БОРЬБЫ

Четыре древних стены, словно четыре страницы учебника, по которому мыр в учил. Четыре вечно стены, четыре извечных границы, о которых молчат. Не закончен пером скрепленная пыльная хартия, а келья глухая, в которой лишь сердца стук. Ногтями скребили эти стены, кровью запечатывая хартия, они из жизни ушли, но навечно остались тут...

Стена — север: «Я умраю. Мне двадцать лет. Прощай же, Дунай мой белый! Это самый последний привет твою, кто пал за правое дело.

Стена — восток: «Черное море, прощайся с тобой! Не запятная в совете чистой». Здесь в полураме простор голубой плескался в глазах моряка-ремиснта.

Стена — запад: «Я болгарин из селения бедного. Охрид мой! Мама, прости меня!» В строки эти выстлался все думы последние. И нету под ними ни даты, ни имени.

Стена — юг: «Как мечтал я увидеть родимое Белое море¹, но в жестоком сражении переселило злы. Пусть же Родина моя моя не знает лишней и горя. Тяжко жила я, зато умраю светло...»

Четыре низких стены прямо в звездное небо глядят, четыре иррачных стены, но исходят от них лучезария, четыре молчаливых стены, в которых легенды гудят, и меж стен этих вещей — Болгария!

¹ Белое море — древнее название Эгейского моря.

Христо ЧЕРНЯЕВ

Ты раскрывался, словно цвет На абоне или на груше. Смотри — ослы пляжут в рассвет Деревья солнечные души.

Птиц голосистая семья Простору голубую рада. И гимном вешнего обряда Наполнены и ты и я.

Свободу белую цветов Мы пьем, от радости хмелея.

Мы все изваны земляей. Пред нем даже сталь тлеяла. Она рассыпалась зорой Перед высокой силой хлеба.

Дожди ударят по лиуу. Уведем мы в траву и носыма, И даже в сладкую пылачу, Что члелы по полям разносят.

Улочки солнцем расшиты, Мелом сверяют они. Сладкие тени саватха Падают на летяки.

Как облака, клубятся Зубные проны амадей, Прчут в густую роздым Легкие птички гнезда.

Ветер парит над ними, Смотрит вниз с высоты. И все в направлении нивы Ведут по земле следы.

Здесь торжествует работа, По поас встает пышевица. И струйки горячего пота Избороздили лица...

Еще и думать не умея О знойной тяжести плодов.

Мы так легко приедем внешность. Судьба которой коротка. А где-то там заката вечность В падоху зрелищного члелка.

Сумей в цвету себя раскрыть И облети туманной ранью, Успев собою разбудить. В сердцах упрямый дух познавая.

Но мы и небом рождены — Оно, как крылья за плечам. И вавас сердца возмессам, Насквозь пробитые лучам.

Ручья стремительный разбер. И обанов содея пена... Уходит в вечность человек. И все же тленое — нетленно.

Давно уже нету с нами Меня и златия и свея. Давно забыты другие Влекут и влекут на север.

И все же я помнить буду Родные логия, пова. А если что-то забуду — Ты же простишь, земля!

Но вас — В солнце одетье, С кушаньем на стене, Прошу вас, домки светлые, Помните обо мне.

Перевел с болгарского Геннадий СЕРЕБРЯКОВ.

АПРЕЛЬСКОЕ

В старой, пахнущей хвоей родительской спальне
сизый ветер, проснувшись, то шумел, то стихал.
Я отсюда, из леса, был направил послание
в самых нежных, подснежников стихах.
И письмо сочинил вам под радугой-арной
[все цвета ее спектра были мной зажжены].
И для вас я наклени солнца рыжую марку
на зеленый конвертик весны.
В вашем городе дымком я прошу не сердиться,
если чуть старомоден и от счастья смешон,
в это раннее утро и вам в окно постучится
в черном кителе грач-почтальон.

Овации Нолубам достаются, цветами
всех не жалуют подрад...
Рекламные летающие блюда
вдогонку лишь за первыми летят.
Чертовски привлекательный детализ:
паляточный таинственный интерьер...
О, сколько, только вспомните, справлял
целинных и строительных прельер!
...Еще все было вроде как вначале,
еще шли поезда со всех сторон,
и ехали в них те, что не попали
в парадный, самый первый шшелон.
А время букв праздничные стерло,
торжественные гимны не допелты...
И первыми исчезли репортеры.
Ушло украиндой святое лето.
Гитарный цех технико разбегался,
чтоб к новым начинаниям попеть,

а кто-то неэффентный оставался
работать, чертяться и стареть.
Те первые, ликие те украл
их песню, их девчонку, их почет...
Зато теперь надменно, без аварий
по ЛЭПам ток промышленный течет.
Они уже не рвутся к новым высотам,
отсюда не привлекательны их вид,
и солнце сатирические лыси
призвано в репортажах не горит.
Сolidные мужички, не мальчишки,
лишь в сердце бескорытье сберегли,
и памяти помятые сбернички
хранят их знойной юности рубли...
Все верно. Есть и фронт и край
домов и те читаются с лиц...
Но есть святое Мужество Последних,
испивших эту чашу до конца.

РОД

Александр ЕГОРОВ,
Мирослав МУРАЗОВ

(фото)

Начнем с количественных характеристик. Новый род студенческий насчитывает у нас в стране четыре с половиной миллиона и каждый год дает прирост в сотни тысяч душ. Прирост, так сказать, «нестественный»: студенты не рожают студентов, а (бывает!) производят на свет все тех же грудных младенцев, что и остальные слои населения. Более того, с точки зрения узкого физио-

лога, студенческий прирост имеет природу едва ли не иррациональную. Студентов плодит наука, умственные интересы общества, такая неуловимая инстанция, как... будущее. Но, оказывается, что все эти факторы реализуются и в растущей армии юношей и девушек. Длинноногих, и в меру горластых, и застенчивых, способных и не очень, поглощающих реальнейшие зльбурсы вицегрета и байкалы жидкого чаю студентов. И нет ничего естественней такого

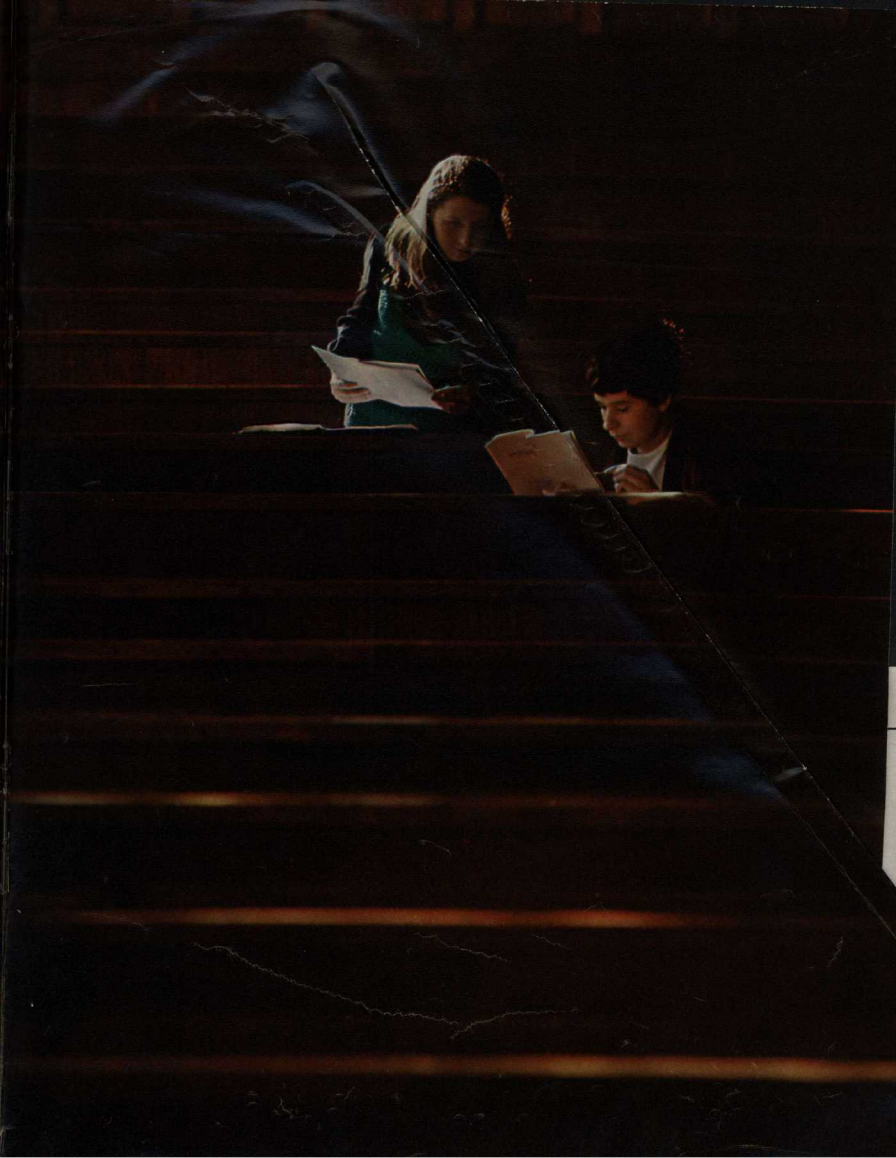
СТУДЕНЧЕСКИЙ

**СТУДЕНЧЕСКИЙ
СЕНТЯБРЬ...**

**ОН НЕМОЛОД,
ПРОФЕССОР,
НО БЕЗ НЕГО НЕМЫСЛИМ
РОД СТУДЕНЧЕСКИЙ.**

**ЛЕКЦИЯ ОКОНЧИЛАСЬ.
УЧЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.**

прироста в обществе, всерьез планирующем будущее. Страна на время как бы оторгнет от своего зимого тела миллионы самых молодых и быстрых умов: учитесь! Учитесь, чтобы вернуть время, оторгнутое вам, завтра и с ликвом.

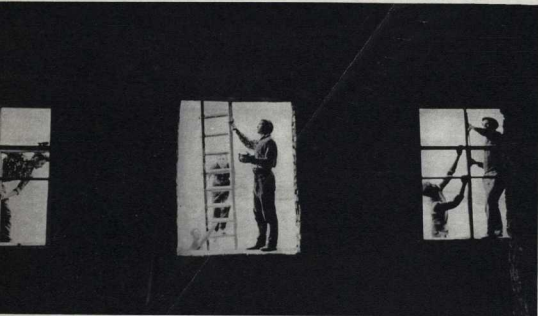
В этом смысле род студенческий — род балованный.

Как в многодетной семье. Патеро пасут коров и передают с одного плеча на другое братию зипун. Шестому справляют обувы и кинки, шлют в город сало и матины пироги с сигом. Шестого высматривают у околицы в кинжуклы и слушают, в рот глядя, его городские байки. Хорошо, ежели он, как Меня Базаров, всякую минуту норавит в эти вакации потрошить лягушек и обжарять экспедиции за головастиком. Горько, если он только шалопай, нахавта-

сны и гамлетовских вопросов к бытию начинается студент — «старооцидас, изукающий [по буквальному смыслу латинского слова] А прогулки — что же прогулки! — лишь аккомпанемент, исторгаемый молодостью. Да, кстати, припомним и еще одну [до ч. 2.] ветвь студенчества — перипатетиков, «прогуливающих». Высокословный Аристотель преподавал начала философии своим ученикам на прогулках, оттачиваясь высоко мыслью от изменчивых ассоциаций, рождаемых природою. Стоит ли говорить, что было главным в этих прогулках, в этой, увы, утраченной «форме высшего образования»?

На этом нас поймают званые троечники, так и чувствуешь: «Вот видите, греки рационально организовали учебный процесс, физически

ЛЕТОМ СТУДЕНТЫ СТРОЯТ. И, ЧЕСТНОЕ СЛОВО, ЭТО У НИХ ХОРОШО ПОЛУЧАЕТСЯ.

ОХ, УЖ ЭТА ТЯЖЕСТЬ ЗНАНИЙ... НО ВЕДЬ ТРУДНО В УЧЕНИИ, ЛЕГКО В РАБОТЕ.

шийся окончаний на латинский манер. Помните! «Лощадеудус свалендус с мостендус».

Разумеется, что «сравнение не доказательство». Но пока не стало реальностью общество, стершее грань между умственным и физическим трудом, дело общественной совести студента — помнить, что за его плечами всегда стоит десяток столь же достойных кандидатов на время, оторгнутое для школения ума. Прежде всего, ради всего — для учения.

А род балованный (бывает!) склонен считать дарованное неотъемлемым. Минуя порог вступительных, и уже не дышит в затылок конкуренты, и рука сама тянется к ликому гитарному перебору:

«От Евы и Адама
Пошел народ упрямый,
Студентов нестивоемый народ...»

И далее про развеселые прогулки Адама с нашей природительницей и про то, как «бог его спиденди лишь». Пожалуй, только одна историческая акция первой студентки выпала из веселой песенки. То, что Ева вкусила плод Древа Познания. Здесь похвально прибавлять и прописным буквам, чтобы не снизить никак значения акции. С Познания, с фаустов-

не обременяли студента. Что ж, верно, нам не грех поучиться кощечу у золотого человеческого детства. Даже поток современной, лавиной нарастающей научной информации можно упорядочить, объединить в усвояемые блоки, предоставить массу второстепенного справочникам и запоминающим устройствам. Иные из современных Аристотелей так и делают.

Позволим себе, однако ж, предположить, что и среди перипатетиков нашлись наверняка ослабленные, брызжавшие слезы: «Таской тогу за этим хрыком. Пятый час заливаются: «Следует предпочесть невозможное вероятное возможному, но маловероятному». Ахиллесца. Сидеть бы лучше в аудитории, почищать украдкою Аристофане...» Были недостатки и в древнегреческом учебном процессе. Но, право же, процесс на то и процесс, чтобы предполагать активную реакцию хотя бы двух сторон, субъектов, индивидуумов. Третьяцкий огонь Истны изматывал и иссушал Виссарiona Белинского, Александра Герцена, Николая Добролюбова. И это не просто патетика, а, если хотите, чуть старомодно, но непреодолимое выражение сути студенческих лет. Лек-

**ЧТО ТОЛЬКО НЕ ОБСУЖДАЕТ СТУДЕНТ НА ДОСУГЕ:
И ШАХМАТЫ, И МУДРОСТЬ ДЕЛЬФИНОВ, И ТЕОРИИ ЛАНДАУ.
ЭТОМУ РОДУ ВСЕ ИНТЕРЕСНО...**

ци Тимофея Грановского, блестящие по освещению и окрашенные добром, остались бы просто эпизодом в университетских летописях. Но они нашли страстный ответный порыв к истине, породили тысячи своих вопросов у дикороских и разночинных мальчиков — и стали эпизодом русской общественной борьбы.

Отчетное, вопрошающее, свое. Такое единственный путь в активном обучении, поэзии. С унижением коготь рода студенческого, с неизбежно инвективной, стандартизированной в процессе такого масштабного обучения, с тем, что вот-вот широко створнутся сюда обучающие машины, телевизионные циклы, магнитофонная обстановка — со всем этим усложняется рождение своего порыва к знанию. Но — хвала самому студенчеству — оно первым осознано это противоречие и плодотворно ищет его разрешения.

Мы часто повторяем, что наука в нашем обществе стала прямой производительной силой. Нецело решаясь распространять эту совершенно справедливую формулу за пределы круга признанных академиков, кандидатов и эмбрионов. А разве студент не занимается той же наукой, пусть и стоя только у ее под-

ножия? Да, занимается. Стало быть, даже элементарная запись «лаборатории» может быть, должна стать! — не просто нудным часом в зурбурке, а частью развлекленного, нужного научного поиска, имеющего даже экономический смысл. «УИРС» — учебно-исследовательская работа студента — система обучения и одновременного приобщения к науке, как к той самой прямой производительной силе. Это придумали и это делают студенты Томского политехнического института под приглядом и руководством своих профессоров.

Тем же путем шли знаменитые николаевские «франты», исследовавшие со студенческой скамьи новые идеи в судостроении и оставшиеся после выпуска на диво слаженной группой инженеров-энтузиастов. Со студенческих лет начинали конструкторы остроумной дальной установки и признанного спортивного самолета в тех же годах надо исчать и ростки плодотворнейших проектов, расшифровок, экспериментов, предположений многими и многими. Характерно, что, начинаясь с энтузиазма, этот путь все более тягел к объединению, системе. Московские «Прометей», тот же томский «УИРС», организация ленинградских политехников, сибирские научные студенче-

ские конференции, наконец, всеобщий конкурс студенческих работ по общественным наукам к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, конкурс, расквашивший тысячи гуманитариев.

Гранше, взрослея, ответственной становится на ноги шестой в семье. Хорошо, что есть здесь сыновья благодарности и благодарности: можно и оторочить тебе время уже в вузе возвращать по частям. Однако ж не один меркантильные соображения здесь надо принять в расчет.

Об одном из сибирских молодежных клубов рассказывают интересную штуку. В его уставе было около двух десятков прилагательных с корнем «сам». Примерно так: организация самостоятельная, самоуправляемая, саморазвивающаяся, самостоятельная, самораспускающаяся, самоотчетная». Продолжайте озорной перебор, не забывая о громадном потенциале ядерной частицы «само».

Ленинская мысль о том, что только социализм открывает неограниченное поле самостоятельности, реализуется в практике и такого, как род студенческий. Смелый выход к жизни, соединение познания с производительным трудом, экспе-

римент в поиске не только научном, но и социальном — это нужнейшее общественное дело. И определяющий этап в становлении человека, способного «думать, хотеть, сметать». А далее уж синхрофазотронный разбег золотой мастицы «само» образует совершенно тонкую ценную реакцию: делатель, самостоятельно нечто решающий, встает перед новыми и новыми вопросами, неизбежно порожденными его самостоятельностью.

Рано еще говорить о всеохватывающем этом процессе, но самое время заметить и поддержать омаги его, возникающие по всей стране. Открытие? Строго говоря, нет. Еще сэмдесят три года назад Ленин писал о соединении обучения с производительным трудом, как о деле, давно ясном марксистам. Подчеркивал, что только это является условием всеобщего и всестороннего человеческого развития. Сложные явления массового высшего обучения несколько отодвинули в тень эту сторону дела. Но снова и снова выходит она на сцену в сегодняшнем поиске нашего студенчества. По-новому оснащенной и подготовленной.

Двадцать и тридцать лет назад мы еще не готовы были зачислить нау-

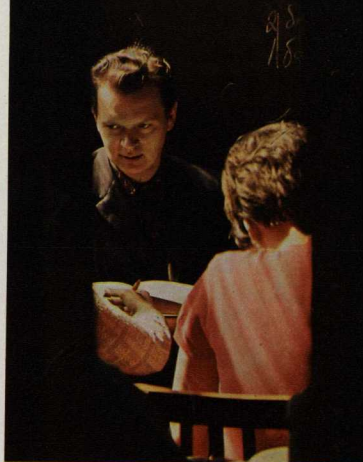
ку по разряду прямой производительной силы. Расходовать же силы студенчества в труде прямо физическом вряд ли было разумно (речь не идет об эпизодах: воскресных уборке, самообслуживании). Только мощное поступательное движение экономики, развитие технического прогресса подвигли науку к новой роли. И эта ее счастливая, небратимая уже роль позволяет насытить и годы студенческие прямым участием в производственном труде. Хозрасчетно, реально, отдачу ко-

и скрупулезно реставрировать памятники зодчества на Севере.

Не будем упрощать дела, втянувшего в орбиту свою тысячи очень разных особей рода. Слышали ли вы о «дних отрядах»? Сколачиваются они сами собой, поговору, напоминающему нравы дворового футбола («Васку — в ворота. Притут»). Хлопцы — один к одному, зоть куда, с топором и мастерком. И это тоже студенческий отряд, по поводу которого стоит сказать несколько слов.

**РОД СТУДЕНЧЕСКИЙ
МНОГОНАЦИОНАЛЕН.
В СССР УЧИТСЯ ЧУТЬ ЛИ
НЕ ВСЬ МИР...**

**ДВЕРЬ В ЭКЗАМЕН...
А ВОТ В УДАЧУ ЛИ,
ЗАВИСИТ ТОЛЬКО
ОТ САМОГО ВХОДЯЩЕГО.**

**БИБЛИОТЕКА —
МЕСТО ТИШИНЫ
И СОСРЕДОТОЧЕННОСТИ.**

торого можно увидеть, еще не получив и заветного «поплавок» на лачкан. Думается, что счастливые условия эти завтра станут диктовать всю атмосферу вуза. Голубой перакурсорник, и тот ощутит серьезность и строгость студенческой самостоятельной ассоциации, разрабатывающей научную — она же практическая — тему. Восприняет род, сегодня еще удручающий иногда верхоглядством и инфантильностью.

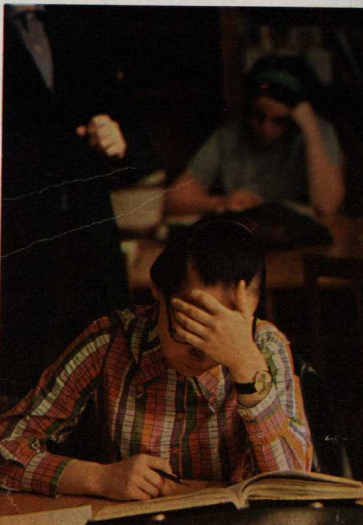
Да и разве всю картину возрастающей социальной, личной, семейной ответственности студента мы оглядели!

«Строительный семестр». Сотни тысяч в мильях юнгштурмовках и брочках разухалась по всей стране, чтобы строить коронники на целине и буровые в Тюмени, восстанавливать аулы в дагестанских горах

Спрос рождает предложение, и парни, вкальвающие лето напролет без водки и праздной скуки, не лезут в рубрику «Отщепенцы».

Больше того. В отряде, благословленном в путь вся и всеми, бывает, что наряд, выгодно или невыгодно закрытый, становится, простите, культуром. Недавнее социологическое исследование, проведенное по инициативе Московского горкома ВЛКСМ, четко ответило: деньги — стимул номер два в отряде (по отдельным группам выходит и на первое место). Ханижить ли и здесь? «Ах, благо — сокращение ироническое, но ведь не отрицание же: нужны, прах их побери, джинсы и демисезонное пальто; меховой курт (скажем, в Томске) и японский купальник (ближе к Краснодару).

И все-таки... Все-таки поют парни

из актюбинского отряда про свои незатейливые летние передышки, а на припеве как-то романтически подтягиваются:

О, Томмазо Кампанелла,
Ты взойдешь на эшафот,
И разврубленное сердце
К трону Цезаря падет.

На этот раз хочется даже простить вероломство, сваливающее в кучу малу двух великих утопистов. Ибо хорош романтический и гражданский настрой. Этим удалим технарям

важнее всех нарядов, что жили они по прекрасным законам самоуправления, что не спукались директорам дурной организации труда, что их маленький отряд был коммуной, шаглющей не в райцентр за исплитринем, а в Город Солнца, вслед за великими мыслителями Возрождения.

Песня — ответ дела. А рядом — дело, проросшее из такого же отряда, решившегося на большой эксперимент. Есть, работают в Тюмени два комсомольских строительных треста, осуществившие многие нача-

ла производственной демократии, нового подхода к организации и планированию. Вот пример, когда люди, обществом готовые для будущего, уже сегодня — и в сегодня — внедряют нечто от будущего. Вот пример настоящей социальной ответственности.

Ну, а засим... все, что вы видите на этих фото. Весна и джиза, благоговейная тишина читалки и та тишина, которая исполнена значения лишь для двоих. Все щедро отдано многоголосому и многоликому роду

студенческому. Впрочем, цель этих беглых заметок далека от рекламно-зазывной. Кому и без того неизменно, что молодости свойственно быть счастливой и привлекательной? Идет ей и самая кроха бездумья, дурашности, озарства. Как только отмерять кроху... И здесь я снова хватаюсь за спасительную частичку нсамом, из автономного движения которой рождается чувство личной ответственности за свое учение, за свою науку, за свою работу — будущую и настоящую.

**И ВИДИТСЯ ЕМУ
ВДАЛИ ЖИЗНЬ
БЕСКОНЕЧНО
УВЛЕКАТЕЛЬНАЯ...**

Александр АБРАМОВ,
Сергей АБРАМОВ

Фантастический роман

«Нам чертовски везет», — думал Кордона, вылезая из воды и отгваивая лапы, — это другое задание, а не уверенность в своей безопасности. Ничего не подозревавший часовой, что-то бесечно напевая, медленно шагнул мимо. В два прыжка Кордона догнал и сильным, отравляющим ударом повалил его. Постовой не успел даже вскрикнуть.

— К Барану, быстро!

В доме не снали. В небольшом уютном пирксе с амфитеатром стульев и круглым столом на явочные маневры сидела худенькая блондинка женщина. Кордона оптел поднявшись непонятному своему военино: дежурный — женщина! Что ж, хлопот побавится: она, наверное, и стрелять не умеет.

В другой комнате два полнемена, сидя на застеленных кроватках, играли в карты. Тут же лежали их автоматы. В глубине комнаты Кордона заметил полуоткрытую дверь, из-за которой доносилась чуть слышимая музыка. «Радиорубка», — подумал он, — радиста надо убрать в первую очередь, чтоб не успел предупредить Гамилыча.

Он посмотрел на часы: три часа ночи. Еще десять минут, и можно вызывать Треса. Хорошо бы обойтись без стрельбы, но, видимо, не удастся: стрелять придется сразу, с порога.

Но удача и тут сопутствовала Кордоне. Полицейские, бросив карты, забрали автоматы и направились к выходу. «Смена караула», — догадался Кордона, — сами идут к нам в руки. Так и произошло. Полицейские срезади автоматной очередью прямо у выхода. Выбежавший на шум радиста не успел даже вскрикнуть. Оставалась дежурная. Сделав знак своим спутникам, чтоб не стреляли, Кордона подошел к двери в глубине комнаты и рыком оторвал ее. Янина не обернулась. Увеличенная работой, она или не слышала выстрелов, или не обратила внимания, могла подумать: гроза, гром, да и на шумовом фоне рвущего кругом океана выстрелы прозвучали не так уж громко — треск хлещулки, не больше.

Янина отложила исписанный лист бумаги и обернулась. Сначала она увидела трех человек в костюмах авкалангистов. «Может быть, Корхилина прислал дополнительную охрану?» — мелькнула мысль и тут же погасла: слишком кратковременно были два направленных на нее автомата.

— Видимо, я должна поднять руки? — спросила она.

Кордона обязательно улыбнулся и опустил автомат: эффект не получился, девочка была не из слабоверных.

— Зачем формальности? — галантно сказал он. — Вы такая женщина и не станете отнимать у меня оружие, драться, кусаться или парализовать.

— Не стану, — согласилась Янина. — Но вы забыли о Селесте.

Это он забыл вас. Почему он не пошелши молча, чтобы установить радисты, полицейских и держать на прицеле симпатичную женщину? Кстати, как зовут эту женщину?

— А вам не все равно? — пожалла плечами Янина.

Кордона опешил. «Так ему и надо», — подумала Янина, — не любезничая же с этой галантной гадюгой. Но почему не реагирует Селеста? — только его внешность могло бы остановить наездников. Может быть, в своем обучении он рассматривает этот налет как нормный урок, в котором еще раз проверяются параметры добра и зла? Какая информация поведаети ему сейчас? «Информация обреченной?»

А за окном зашумел голос, ней-то шум, логом нестройной гоним в дежурке, и на пороге зала в светлом прямоугольнике двери появились Треси.

— Добрый вечер, мисс, — сдержанно поклонился он. — Вернее, добрая ночь. Простите, что мы ворвались к вам без приглашения, но поверьте, и вы не рискуете поступить столь благосклонно, если бы не терпящие отлагательства дело.

— Что вам угодно? — отчеканила Янина и отодвинулась. — Я задала тот же вопрос этой пародии на Бойду, — она небрежно кинула в сторону почтительно отступившего Кордона, — но он загадочно промолчал. Вероятно, об этом нужно спросить у вас.

Треси заметил, как дернулся при этих словах Кордона, и усмехнулся: девочка с икорным.

— Вы задаете Селесте пять или шесть вопросов. Ну, может быть, шесть или семь. Согластается, что это пустяк. Да и вопросы совсем безобидны. Разрешите, я вложу их письменно. Вам останется только прочесть, даже не вслух — мысленно. И ваша совесть будет чиста, как этот лист бумаги. — Он пригнул к себе пакет чистых листов бумаги и вооружился залочкой самописной.

Янина молча следовала за движениями Треси. Пусть пишет. Актера. Фантомас в маске первого лорда адмиральтейства на приеме у королевы. Отлично получается, что без королевы ему не обойтись. А королева наверняка отклонит предложение. И тогда он снимет маску. Интересно, будет ли страшно?

Янина дерзко прикрыла рукой лист бумаги, на котором Треси выводил свой первый вопрос.

Один минутку. — В ней карту прослушал школьничком, а посмотрел над мальчишками из своего класса. — Почему это вы решили, что я такая послушная?

Треси отложил авторучку и синхронительно улыбнулся:

— Потому что рассчитываю на ваш адральный смысл.

— Объясните.

— Что, по-вашему, выгоднее: десять тысяч долларов и пять минут салонной беседы или бесплатные похороны?

— Я не боюсь утроб.

— Это не угроза, это реальность. В математике это, кажется, называется выбором оптимального варианта. Вот и выбирайте, что вам больше нравится.

— Я уже выбрала.

— Чеком или наличными?

— Не надейтесь: не створимся.

Не реагируя на реплику Янины, Треси взглянул на часы.

— Даю на размышление пять минут. Подумайте. Жизнь, деушка, дорогая штука, и не стоит отмахиваться от нее из-за пустяка. — Он подловил Янину. — Проводи даму в соседнюю комнату и позаботься о том, чтобы она не скучала.

Джиро вразвалочку подошел к Янине — руки в карманах, ленивым прищур глаз, сигарета во рту — и вдруг резким движением вышиб из-под девушки стул. Не ожидая нападения, Янина упала на пол. Все дальнейшее он заняло и минуты: взмах руки и звук пощечины — одной, потом другой, после чего Джиро отскочил и выткнулся, как солдат на плацу, а над Яниной уже склонилась голова с седым ежиком, и сильные руки помоги ей подняться.

— Прощу прощения. Недогадал. В дальнейшем, если договоримся, виновный будет наказан, — с этими словами, поддерживая девушку под локоть, Треси провел ее в радиорубку и ушел до момента макс радиста. — Отдыхайте, думайте, а через пять минут я к вамшии улечу.

Пять минут или час — какая разница? Даже под дулом автомата она не станет помогать налетчикам... А хватат ли у нее хитрости? Да и за что умирать? Мельком брошенный взгляд на

радио родил мысль: а вдруг?.. Есть еще пять минут. За пять минут можно что-то сделать, что-то уснуть. Неосторожность Треси, не предположившего, что Янина умеет работать на радио, — а она научилась этому во время ночных дежурств на острове, — давала возможность опережить охранников и вызвать полицейское управление Корхилина, если только бандиты не отключили радио.

Янина отложила. Два равнодушных авкалангиста у двери следили, лениво поигрывая автоматами. Джиро, зевая, развалился в кресле. На Янину он не смотрел — вероятно, стыдился пошепечки. Нистелом он положил на колени, возле карман за сигаретами, щелкнув зажаткой, наклонился над язычком пламени. Пора!

Стараясь не скривить ступом, не делать лишних движений, она достигла до кнопки с надписью «Вызов» и, схватив микрофон, крикнула первое, что пришло в голову:

— Анджей, скорей!
Значит она не испела. Обезьяны палачи Джиро сдвинули ей горло, перед глазами залпы разноцветные огоньки и погасли. Но сознание сейчас же вернулось, словно кто-то, щелкнув клавишей радиоприемника, воушла в комнату через резинку голося.

— Как вы себя чувствуете? — наклонился к ней Треси. — Надеюсь, Джиро не повредил вам горло? Говорить сможете? Вы же сами виновата. Зачем вам эта мелодрама? Анджей, анджей! Все равно бесполезно: радица отключена.

— Брэг, — подумала Янина, но промолчала. — Пусть считает, что я поверила.

Радиот Корхилина, наверное, уже позвал Смэйли, и через полчаса-час Рослом с полицейскими будет на острове. Только бы протянуть время, сыграть алой спектакль, гляди, сы догадались, не заподозрили. Она встала и, не обращая внимания на разнулашки к ней охранников, решительно шагнула к старике в синем свитере.

— Я готова сказать вас с Селестой, — сказала она. — У меня нет выхода.

Треси облеглоно воздухом.

— Я был уверен, что поступите разумно: выхода у вас действительно нет, кроме согласия на мое предложение. Рад за вас. — Он вынул чекуюю книжку, оторвал страничку и протянул Янине. — Вот чек на обещанные вам десять тысяч.

— О деньгах потом, — отмахнулась Янина. — Не удаляйтесь, если будут сложности, — предупредила она. — Селеста не телефонный абонент.

— Я ничего не читал о сложности. Вызывайте его, как это обычно делается.

— Видите ли, — Янина тщательно подбирала слова, — вы не специалист, вам будет трудно поведать Селесте — это не электронное устройство, это человек. Поэтому я предлагаю вам, чтобы получить необходимую информацию. Каждую секунду в копилку его памяти поступает со всего света информация разной степени важности, и степень эту определяет он сам, проводя анализ, кодирование и корреляцию поступивших сведений. Это основная, запрограммированная функция Селесты.

— Зачем эта лекция? — нетерпеливо перебил Треси. — Он собирает информацию? Так она мне и нужна.

— Но получить ее не так уж просто, — терпеливо ответила Янина. — Селеста выходит на связь в любой час по своей инициативе. Связь эта всегда внезапна, кратковременна и энергетична. Ну, как бы вам это понятнее объяснить? — Она нервно хрустнула пальцами. — Вы знакомы с устройством автомобиля? Тогда вы знаете, что такое аккумулятор. Если он не заряжен, маши-

вежливо лицемерия Смайлс. С ними ушел и Джинго. Началось самое странное: выглядит как будто не выйдут, со штуром или на штур? Казалось подлость лезет в голову! И в ушах что-то гудит. Как дробь оркестра во время номера воздушных гимнастов. Все понятно: он просто боится. И не так уж страшно бояться: ведь он знал, с кем имеет дело, знал, что Треси играет крайними картами. Улыбка в начале и пуга в конце разговора. Но, может быть, в силах Рослова отгадать эту пуга?

— Я начинаю, — сказал Рослов и мысленно вызвал Селесту. Тот откликнулся сразу, словно ждал вызова.

«Зачем ты пришел сюда?»

«Чтобы спасти Янину».

«От кого?»

«От этих людей. Они хотят связаться с тобой».

«Знаю. Она противилась этому. Почему?»

«Трудно в двух словах объяснить тебе разницу между порядочностью и подлостью, добром и злом».

«Ты объяснял».

«Теоретически. Для тебя это такие же абстрактные понятия, как «бесконечность» или «пустота». Ты не видишь различия между Треси и Смайлс».

«Интеллект Треси выше».

«Возможно. Но для меня простак Смайлс всегда предпочтительнее высокоинтеллектуального Треси. Один честен, добр и порядочен, другой лжив, корыстен и подл. Они, по существу, полярны. Только несовершенство законов в этой части земного шара обозначает безнаказанность таких отношений, как Игр-Рейт».

«Это твой выбор. Возможно, он верен, хотя эмоциональное в нем преобладает над логическим. Но твоя убежденность не предполагает дополнительной проверки. Зачем же ты вызвал меня?»

«Я ставлю эксперимент. Информативный обмен между мной и Треси. Через тебя».

«Я знаю. Треси спрашивает тебя, ты отвечаешь. Я не вмешиваюсь».

«При условии, что я на это время становлюсь тобой. Твоим знанием, твоим видением, твоим правом распоряжаться информацией, твоей реакцией на опасность».

По земным понятиям это было дерзким и рискованным заявлением. Селеста не умел обижаться, но мог расценить слова Рослова как посягательство на свою информативную избирательность, как попытку стать еще одним фильтром на пути информации к ее бездонным хранилищам. Ведь Селеста мог связаться с Треси и через спонсорскую систему Рослова, если бы считал гангстера объектом, достаточно интересным для информации. Выбор Селесты должен был стать решающим в их судьбе, в самом их физическом существовании, и Рослов ждал этого решения всем существом своим, как подзудимый приговора, как влюбленный езе слышного «да», ждал и надевался. И это «да» прозвучало в мгновение смещения вей психики Рослова. Он вдруг увидел ее сразу: Треси, напряженно и подозрительно обратившего на него свои стальные глаза; плачущую Янину в соседней комнате, молча выслушивающих людей-лагушек по коралловому откосу, а за ними — черно-синий простор океана и цветные точки далеких табаргитных спутников Корикилла. Увидел даже самого себя в катапультической неподвижности и услышал свой — не свой голос, одиозный и лишенный окраски, как в плохой магнитной записи:

— Спрашивай. Жду.

Для Кордоны и Треси Рослов исчез, они слышали голос Селесты, но Рослов не утратил собственного «я», он сознавал, что действительно стал Селестой, зерно, подклевывая к той области информативной, которая исчерпывала ничтожную проблемку Треси. Если бы спросили Рослова, что он видел, он бы описал все, но назвать это «увиденным» он бы не мог. Просто он знал об этом, оно стало его информативной, и он лишь из-за отсутствия более точной терминологии мог бы сказать, что видел не только переговорный зал и пребывавших в нем, но и далекий бразильский порт, шестидесятидвухметровые ящики на причале, скучные лица полицейских с автоматами и плотную стену черных фургонов за ними. Он видел и полуметный труп военного корабля, ожидающего отправки в порт назначения, и этот порт, где пока еще никто не ждал корабля с золотом, и заслонившего все это ничтожного человека в синей морской фуфайке, судьба которого зависела уже не от информации Селесты-Рослова, а от воли Рослова-Селесты, и ждало бы этот человек с его другим величием,

2 СЕНТЯБРЯ
ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКЕ
ВЬЕТНАМ
ИСПОЛНИЛОСЬ 25 ЛЕТ

Республику трудящихся, родившуюся на севере Вьетнама во второй день осени 1945 года, уже через одиннадцать дней пришлось подниматься на борьбу против нового врага. Трофейное оружие и бамбуковые пики, которыми народ Вьетнама бил японских захватчиков во время Всеобщего августовского восстания, были повернуты теперь против французских колонизаторов. «Осенью выходим в путь, страна в опасности, зовет нас...» Этот марш был суровым аккомпанементом героическому Сопротивлению вьетнамского народа. Сопротивлению, которое продолжалось девять долгих лет и завершилось блестящей победой под Дьенбьенфу, прогремевшей на весь мир. А через десять лет мирный труд народа ДРВ был прерван очередной наглостью агрессора. В канун осени 1964 года американский империализм бросил свою авиацию в небо Северного Вьетнама, развалил против ДРВ войну на разрушение. Лишь за четыре года этих ваварских воздушных нападений на республику было сброшено более миллиона тонн бомб: Напалмовые и фосфорные бомбы, шариковые и фугасные, ракеты и снаряды скелы, взрывали, переплывали мирную землю, уничтожая все

живое окрест. И вновь — в который уже раз! — выстоял маленький и мужественный народ, давший суровый отпор агрессору. Тем временем в Южном Вьетнаме в огне антиамериканского Сопротивления сформировались мощные вооруженные силы Освобождения, которые задут героическую войну против полуторамиллионной армии американских агрессоров, их спутников и юновьетнамских марionеток. Газетная полоса, радиоволна, телевизор каждый день приносят сообщения о битве вьетнамского народа с американскими агрессорами, о мировом движении солидарности с

"ОСЕНЬЮ ВЫХОДИМ В ПУТЬ"

борющихся Вьетнамом, о братской помощи, которую оказывают своим товарищам Советский Союз и другие социалистические страны. Нам, советским людям, хорошо известно, что такое война со злым и жестоким врагом. И мы знаем, что сила и несгибаемость народа, который сражается с порабощителем, не только в мощи армии, но и в упорном труде, в духовной жизни. И разве не говорит о мужестве непокоренного народа Вьетнама тот Фанг, что сегодня в ДРВ работают 33 высших и средних специальных учебных заведения с 60 тысячами студентов [эти цифры вдвое больше, чем пять лет назад!]

РАКЕТЧИКИ ОДНОГО ИЗ ДИВИЗИОНОВ. ОХРАНЯЮЩИХ НЕБО ХАНОА.

Фото Германа МАКАРОВА

РУИНЫ ПАГОДЫ В РАЗБИТОМ АМЕРИКАНСКИМИ БОМБАМИ ГОРОДЕ ДОНГ-ХОИ.

ИМ В ПУТЬ

Молодежь героического Вьетнама не только защищает с оружием в руках свободу и независимость своей родины, но и учится, храня в сердце ленинский завет.

«Вьетнамская молодежь плечом и плечу с молодежью стран Индокитая полна решимости добиться окончательной победы, обеспечить независимость и свободу для своей родины, внести вклад в защиту социалистического лагеря, в защиту мира в Индокитае, в Юго-Восточной Азии и во всем мире!» — говорил в своем выступлении на XVI съезде ВЛКСМ товарищ Ву Куанг, первый секретарь ЦК Союза трудящихся молодежи Хо Ши Мина, организации, объединяющей 2 миллиона 600 тысяч юношей и девушек ДРВ.

Мы выражаем искреннюю благодарность союзам молодежи и всей молодежи братских социалистических стран, прогрессивной молодежи всего мира, национальным молодежным и студенческим организациям за единодушную и ценную поддержку и помощь.

В этой решимости сражаться до конца, в этой братской помощи — залог неминуемой победы героического Вьетнама.

НЕДАЛЕКО ОТ 17-И ПАРАЛЛЕЛИ.

1967 году я сыграл свой последний чемпионат страны, двенадцатый по счету. А первый был в 1948 году. Ничего приятного в памяти моей о нем не осталось. А вот второй мой чемпионат я помню так, будто играл не 20 лет назад, а совсем недавно.

«Стартовая» — она же основная — летария игроков СКДР была из одного-двоякого препарианта: Том (Латвезо) Муранди вернулся из США, Жан Марквин — из Франции, Абрам Амаджян, Жирар Минасян, как и я, — из Египта. Команда наша была весьма техничной, но исключено, что нам когда бы получить первый приз за победу, если бы, конечно, таковой разыгрывался. Не считате это хвастовством: так легко аттестовал нашу команду Иван Лысов, капитан прославленной сборной СССР, а также один из ярких виртуозов, которых я когда-либо видел на баскетбольных площадках.

Занимая мы в том чемпионате пятнадцатое место. И все было справедливо: большого шанса на первых ролях в команде были препарианты. Мы любил баскетбол, что само по себе весьма похвально, но мы были слишком уверены в том, что умеем играть в баскетбол, и это чувство наивно и глупо. А в 1950 году, вынуждено вдруг выяснилось, что баскетбольное образование, которое получали мы до приезда в СССР, было, правда, скажем, небезуверенно. Мы и наши соперники играли в разные формы баскетбола: они выходяли на площадку бороться за победу, мы — просто играть. Они трудились на площадке от первой минуты до последней, нас с трудом хватало на тайм. Они догоняли игроков, нам ничего не оставалось, как играть более энергично, а если бросить мяч в корзину тогда, когда шансы на успех были мизерны. Для них желанной наградой была победа, нам — так, во всяком случае, могло показаться со стороны — вполне хватало.

Написал об аплодисментах и сповозал: как правильно ли меня поймут? Порой приходится слышать, как в том или ином спортивном с пренебрежением говорю что-то неадекватно на публику, что спортсмен хочет похвастаться своей силой. Например, за это надо не порицать, а хвалить, если, конечно, красивая игра — в мимину она и имеется в виду — не ставит себя в пример.

Нельзя не приходит мысли упрекать актера в том, что он играет для зрителя: все согласны с тем, что театр без зрителя немислим. Почему же тогда так часто приходится слышать от публики, что актер не идет к зрителю, а зритель, и только. А спорт — это еще и победа, и очки, и занятые места. Но ведь еще, а не актерство и спортивно, это истинно очень немногим применительно к спорту. Да потому, что театр — это зрелище, и только. А спорт — это еще и победа, и очки, и занятые места. Но ведь еще, а не актерство и спортивно, это истинно очень немногим применительно к спорту. Да потому, что театр — это зрелище, и только. А спорт — это еще и победа, и очки, и занятые места, но, право же, выяснится, что у актера и спортсмена есть и нечто их роднящее. Нес объединяет главное: и актер и спортсмен работают для зрителя.

Из тысячи человек, которые пришли смотреть, скажем, «Стелло», 999 знают, что Яго — прохвост и что Стелло задумит Дездемону, — знают, но идут в театр, вытаскивая зачастую по инерции чашки в очередь на закуски, идут — потому что их охватывает жажда посмотреть спектакль, как играют актеры. Но ведь и на футбольный матч «Спартак» — «Динамо» 100 тысяч болельщиков идут не только для того, чтобы увидеть, кто выиграет, но чтобы посмотреть — во всяком случае, те из них, кто является настоящим ценителем, — идут, чтобы увидеть, как играют команды. Так почему же спортсмены не поставлены для зрителей так, как ставятся для них актеры?

Есть еще одна сторона дела. И по собственному опыту и по рассказам других спортсменов я очень хорошо знаю, что, когда нет зрительской поддержки, матч играть не хочется — и все даже когда их очень мало, не играется — и все равно. Кроме бы и к матчу готовился прилежно и чувствовал себя претолчено, а увидел пустые трибуны — настроение испортилось, желание играть пропало. А другой раз и нездорово играть, когда их много, но не решают, но играешь так, что сам удивляешься. Удивительного же ничего нет: зритель заставляет играть хорошо. Я знаю баскетболистов, которым предложили играть либо в нейтральном зале, или полупустом, либо в настроенном по отношению к их команде недружелюбно, но с переполненными трибунами — выберет второй вариант.

Меня могут упрекнуть в том, что я гуслил краски, в том, что второстепенную проблему возвожу в ранг крупнейшей: мол, люди, которые играют в спорт, идут за тем, что надо, а не за тем, как уж и много, и введ, который они приносят, невелики. Да, у входа в спортзалы не вывешивают грозные надписи «Зрителям вход воспрещен!», и никто еще не додумался до идеи строить стадионы без трибун. Все это так, но тем не менее проблема «спортсмен — зритель» существует, и проблема эта — одна из важнейших.

Нежелание звать на матчи зрителя, стремление расценить матч только как поединок двух команд, борющихся за очки, места, забывая о том, что матч еще и зрелище, — не это ли есть причина грубости, симуляций, неспортивного отношения зрителей к игре? Все это так, но видеть не хотелось бы, но, увы, приходится видеть чуть ли не в каждом матче?

Мне рассказывали такую историю. В одном из театров ставили «Ромео и Джульетту». В сцене, где Ромео стоит подне подруге возлюбленной, актриса, играющая Джульетту, вдруг кинула. Ее партнер за рассмешило, и он ушел со сцены. Это история кто-то поведаль О. Л. Киннер-Чехова и закончил словами: «Н! — плохая актриса. Она была действительно возмужала: «Оба она немалые актеры».

Плохие актеры, они проявили полнейшее неуважение к зрителю. Но ведь таких, как они, единицы.

Иногда учат не только играть, его учат уважать зрителя. Я и читал и слышал множество историй о том, как актер, которого становилось худо на сцене, услышав люди подавали свои негуды, прятал его от зрителя, если надо было по ходу действия смеяться — смеялся, хотя в пору было плакать, благодарств! Да. Но ведь качество это не врожденное, его можно выработать. И будущего актера учат благодарств, учат, потому что бог актер — зритель.

Спортсмену куда труднее, чем актеру, быть джентльменом. Казалось бы, именно поэтому его и надо было бы тщательно учить этому неглеккому искусству. Спортсменом же человек становится в основном в детстве. И поэтому: когда будущий актер еще только мечтает о сцене, кое-что из его ровесников уже имеет и моральное и формальное право именваться мастером спорта. А будущий спортсмен должен быть джентльменом. Самые привилегии над их коллегами, которые работают в будущем артистами.

С детских лет спортсмена учат играть и побеждать. Это, разумеется, неплохо: тот не спортсмен, кто не стремится к победе и не умеет побеждать. Плохо то, что будущего спортсмена учат только побеждать, плохо то, что будущего спортсмена не учат уменю вести себя на людях.

Нет, нельзя сказать, что спортсмену ничего не говорят о зрителях. Когда на тебя смотрят несколько тысяч людей — в спор и несколько сотен тысяч людей, — забывавешь все, что знаешь, и все, что умеешь делать хорошо, делавшь из рук вон плохо. И спортсмена учат преодолевать гимнастизирующее влияние, которое оказывает на него присутствие зрителей. И это тоже хорошо. Но опят-таки плохо то, что спортсмена не учат уважать тысячи людей, которые пришли на стадион, плохо то, что его не учат играть на публику ради публики.

Впрочем, я, кажется, преувеличил. Но только чуть-чуть. Кое-кто из тренеров учит своих питомцев видеть в зрителе не третьего лишнего в борьбе спортсмена с соперником, не того, кто мешает спортсмену, мешать, а человека, которого надо порадовать не только гоном, но и красивой игрой и джентльменским поведением. Но таких тренеров, увы, немного. Потому что в спорту победа и побеждает, только играть и только побеждать... Вот и получается, что техника, тактика, воля к победе, физическая подготовка — предметы для спортсмена обязательные, а уважительное отношение к зрителю, то этот предмет в программе обучения не значится: хочешь — учи, не хочешь — не учи.

Один спортсменки невестит в спор сопернику, другой оскорбляет судью, третий симулирует, четвертый отказывается поздравить победителя, пятым — шестой... Можно и нужно negotiate. Не следует только забывать этому: спортсмен должен учить и побеждать, их не учат проигрывать, не ронять достоинства побежденного. Все эти ЧП (впрочем, как же это ЧП, если происходит оно каждодневно!) есть следствия того, что к зрителю в спорте — в отличие от театраль-

Арменак АЛАЧАЧЯН,
заслуженный мастер спорта

ного зрителя, главного действующего лица, — относятся как к чему-то третьестепенному. Как бы был бы неценен, если бы не сказал о том, что и в моей жизни было несколько эпизодов, о которых я вспоминаю не без стыда. Не оправдываю, а объясняю в это тем, что мне, как и другим спортсменам, никогда не внушили мысль о том, что это я артист.

Немного времени прошло с тех пор, как гремело на стадионах всево мира Владимир Кудц, которого называли великим спортсменом. Он и был великим спортсменом. Но сейчас это не совсем бегуна, который трудит на 10 тысяч метров меньше времени, чем Кудц, называют и просто хорошим спортсменом.

Я не случайно привел в пример именно бегуна. 10 тысяч метров у Кудца и у друга превиника — это 25 кругов вокруг футбольного поля. Процесс «старения» проходит — он не может не проходить — и во всех остальных видах спорта. Потому мне смешно слышать споры — а спорт, увы, не один только болельщиков — о том, скажем, какая футбольная команда играет сильнее — ЦДКА сорочковых годов или ивневское «Динамо» шестидесятых. Добро бы еще вопрос был сформулирован так: «Как из этих команд значила больше для своего времени!» Так нет же, спорт о том, кто выиграл бы. Не то что ивневское «Динамо» — даже команда второй лиги и та побеждала прославленного чемпионо двадцатилетней давности.

В чем же дело? Почему Кудц по-прежнему считается великим спортсменом, а результат его выступления считается мастерским, не то что грессий-

СИЛЬНЕЕ СНЕТБОЛЕ

стерски? Может быть, люди сами по себе стали сильнее?

Сильнее стал не всякий человек, а спортсмен. И стал он сильнее своих предшественников, даже выходящих, потому что резко увеличилось количество тренировок, увеличилась интенсивность самих тренировок, потому что самоограничение у него дошло до аскетизма. Проще говоря, спортсмен стал работать до седьмого дня, отказавшись от спиртного и курения, начал есть не что попало, а то, что надо, и не столько, сколько он хочет, а столько, сколько надо,— не больше и не меньше. Спортсмен стал сильнее, потому что все реже и реже руководствуется он в своей жизни словом «хочу»: вместо «хочу» — «надо».

Но я не буду выдавать желаемое за реальное. К величайшему сожалению, далеко не все спортсмены уже отказались от «хочу», еще не все поняли, что в спорте главное — «надо». Если бы было проведено соответствующее обследование, полагаю, выяснилось бы, что трудолюбивых спортсменов, спортсменов, соблюдающих строгий режим, больше всего среди легкоатлетов, штангистов, пловцов, конькобежцев. Не потому, что они сознательнее или умнее, чем мы, игроки. А потому, что стоит им пропустить тренировку-другую, разон-другую позволить себе то, что именуется у нас нарушением режима,— и точас он будет наказан, и наказание это будет неадекватным: заурядная штанга, которая еще не сколько дней назад вела себя послушно, на одну и ту же дистанцию уходит больше секунд, чем уходя же недавно. Весы, рулетка, секундомер не позволяют спортсмену обмануть самого себя.

В результате обследования выяснилось бы, что борцы, теннисисты, боксеры и прочие индивидуалисты, у которых нет единиц точного измерения их мастерства — секунд, килограммов, сантиметров, при самокритичном отношении тоже могут найти логическую связь между продукцией тренировочной, рюмкой водки и программным боем.

И, наконец, самыми нетрудолюбивыми спортсменами, самыми активными нарушителями режима, надо полагать, оказались бы мы, игроки: футболисты, хоккеисты, волейболисты, баскетболисты. Потому, что у нас значительно труднее найти причинную связь между количеством тренировок, бессонных ночей, выльвом, выкрученных стержней и качеством игры. При желании можно с легкой душой обманывать окружающие и даже самих себя. Чту, да, игроки мы действительно небавно и проиграли по делу. Но при чем тут продукционная тренировка? Просто не повезло: два верхних ямча смазал. И судья придрался: за два фолла лишние наказания. И партнер сыграл плохо, несколько пасов дал неточных. Но те же самые факты могут быть оценены иначе. Иначе и честнее. Что значит «не повезло»? А может быть, устал больше обычного, играл через силу, свежести была лишняя, потому и смазал два верхних ямча? И судья, наверное, прав был: опять-таки из-за усталости запоздал вернуться в защиту, не той соперник, а ты бы виновником столкновения. И партнер был прав: он-то пасовал правильно, но ты — все та же усталость — чуть промедлил, и мяч перекатился. Усталость — вот что подело игрока и его команды. А причина усталости — та самая продукционная тренировка.

Фото Анатолия БОЧНИНА

Правильный образ жизни стал нормой для большинства, сваяны, штангисты и — как это ни прискорбно — только для части футболистов или баскетболистов. И это вдобавле, вторично неприятно, ибо тот же штангист, плохо подготовившись к соревнованиям, подводит только самого себя, а за одного баскетболиста или футболиста расплачивается вся команда.

А были ли хорошие игроки, которые и тренировками себя не изнуряли и в спиртных напитках себе не отказывали? Я поклянусь бы душой, если бы ответил на этот вопрос отрицательно. Были и есть. Но игроки они хуже и меньше, чем могли бы играть, если бы более строго к себе.

Я не собираюсь ни отрицать, ни умалять значимость таланта, и в спорте талант был, есть, и в спорте без талант немалого стоил. Если и была когда-то в спорте эра самородков, то давным-давно кончилась и никогда уже, по-видимому, не повторится.

Много раз случалось видеть молодого, очень способного спортсмена. Он прозвонил на все отличное впечатление. Затем вы прочитали, что от него многого ждют и журналист, с мнением которого вы считаетесь. Проходит месяц, годы, а вы все любите и никак не забываете, что в разряде подающих надежды. А затем вы уже не можете ждать, ибо ясно: из парня толку не будет.

...Я еще не видел Марта Лагу, но слышалась о нем восторженная молва. В исполнении Лаги я впервые увидел, как мяч укладывается в корзину двумя руками сверху. И чтобы характеристика была полной, добавлю, что, как и все эстонские центровки, этот семидесятилетний парень был очень техничен.

В общем, Лага справедливо считался одним из лучших советских центровых. В диле чемпионов Европы Лага выступал за сборную СССР. И все-таки правильно назвать его не восточной, а метеоцентриком: он мог бы играть еще и сейчас, но кончил играть, когда ему едва исполнилось 25 лет...

К величайшему сожалению, примеров, аналогичных этому, я мог бы привести множество. Сколько их было, талантов, не желающих работать, талантов, загубленных водкой, сколько их было, несостоявшихся звезд, недооцененных игроков!.. Чего греха таить, и сейчас есть еще такие, которые пытаются совместить большое с «малым». Но им, этим совмещателям, является хуже, чем прежде. И с каждым годом им будет все труднее и труднее. Нельзя сейчас совмещать даже два вида спорта, а ведь совмещать спорт с легкомыслием во сто крат труднее. Тот, у кого «хочу» будет побеждать «надо», немалого добьется в спорте, недолго в нем пролежит.

Талант без пота дешево стоит. А вот его противоположность — человек, не очень щедро наделенный природой, но трудолюбивый, уверен, да и покладать. С тех пор как ушел из «Калевы» Лага, в команде не было ни одного игрока, не же в талантувого зятка. А «Калевы» закончился, и вышедший игрок стал крепким середнячком и, наконец, одной из сильнейших команд страны. Столь чудесное превращение объясняется многими причинами. Но едва ли не самая главная — трудолюбие команды. Я умышленно говорю о команде как об одном человеке: в «Калеве» есть игроки получше, есть похуже, но в «Калеве» нет лентяев. На тренировках «Калевы» я не бывал. Но, видя, какой объем работы производит команда в каждом матче, я могу представить интенсивность ее тренировок.

Один абзац специально для будущих баскетболистов, для молодых баскетболистов. Тренироваться всегда скучнее, чем играть. Но вам повезло: вы выбрали вид спорта, в котором конкуренция между тренировкой и матчем не так велика, как в любой другой игре. Скажем, футбол или волейбол — нельзя — во всяком случае, неинтересно и трудно — тренироваться в одиночку. Баскетболист может тренироваться и один, потому что если есть мяч, пол, щит и корзина — значит, есть и баскетбол. Нет партнера — тренируйся один: время дорого. Играть в пас со щитом, ставь себе бросок, обучь левую руку работать так, как работает правая. Потяну ли ногу — бей штрафные, выкинул руку — бей.

...Дорого время: в стране Спортa живут недолго. Так не укорачивайте свои и без того короткий спортивный век!

«Не перекладывайся, тем же халате! Рослов-Традиционист!» — сказалось, обысье чаше вычор-машине для экономического прогресса? Я имею в виду интересы коммерческих фирм.

Видер уже совсем неважело усмехнулся.

— Вам, я думаю, незачем говорить о том, как трудно сейчас развивать коммерческие тайны. А с вмешательством Селесты тайны вообще никаких не будет. Вы можете представить себе последствия?

— Ответил Этерис Траси, и опять Рослов услышал его безмолвный ответ: «Что-то есть, а что могу представить эти последствия. Мальчик прав: никаких «экономических часов» тоже не будет. Но любой цензурный комитет составят сие, стоишь, обидеться любому из них ичиса летается в доллары».

Велух он сказал:

— Тогда забудем об этом.

Видер искривил улыбку.

— На что же вы меня ориентируете?

— На то, что, сказал. Забыть о нашем разговоре и Селесте.

А институт Мак-Керри? Вы же хотели по-слать меня в секцию физиков. — В толге Видера дрожало разочарование.

Жизнь Траси всколыхнулся от смеха.

— И пошло, — услышал Рослов. — Только ты заблудился об этом как можно прочнее. И никаких дневников и писем. Селеста снимает все до документированные записи. И мысли, если их много. Но я перехитрю его. Решение будет принято сразу, без размышлений. Зря потраченное время, слухов, обидеться слишком дорого. А виноватый аналитик.

Последней реплики Траси Видер не понял, но понял Рослов. Игет-Райт оценивал работу и бесполезно прожужжал ночью: он не протесты. И когда Рослов вылез из темного кресла амфиатра в иперреготорной, он тут же спросил Селесту:

«Как ты оцениваешь информацию?»

В сончании откликнулся:

«Как считаешь опасености. В будущем».

«Триси умеи».

«Как враг».

«Ты уже научился отличать друзей от врагов», засмеялся Рослов. — Не упускай его из виду наблюдателя».

«Я не наблюдаю. Я улавливаю мысли, если они посылают волну достаточной для приема мощности».

«Какое твоё решение будет внезапным?»

«Решение уже мысли. Все зависит от ее итенсивности».

Селеста ответил и отключился. Штатасы от усталости, Рослов вышел на среа острова.

Цена реакция

Рослов застал Янину в слезах. На тарелках стояла поджаренная ветчина, а в больших чашках — кофе по-варшавски, восхитительно приготовленный Яниной.

— Рассказывай, — вел он. Прожужкала телефонный зуммер. Унесла Корнхилл.

— Уже позавтракала? Нет? Потерпелись. Вину в холде все заминавшие здесь репортёры? Прокосили ушли? Повнятия не имею. Людям оно не болтливое, но ко-кто, вероятно, не утерпел.

В номер Корнхилл и Смайлл вошли без стука, сразу залюбуясь объектно.

— Смайлл, — облекчелно вздохнул Корнхилл. — В гостинице о ночном рейде знает все — от портье до бармена. Что же вы хотите от репортёров? Они жаждут подробности — откуда появились калетишки, чего ждали и чего добились.

— И кто возглавлял их, — добавил Смайлл. Корнхилл поморщился.

— Не торопись. Я бы не упоминал Игет-Райт.

— Почему?

— Триси никогда не рискует зря. Отправляясь в поход, он наверняка обеспечен себе алиби. Подождем завтра на их.

— Я уже знаю их, — сказала Рослов. — Вчерашний прием на вилле а Санта-Барбара был отменен из-за внезапного сердечного приступа у хозяйки. За пять минут до отъезда гостей уже в бесшумном лифте селесты отъезжал слугин доктор Хиса, а после соответствующих процедур рано утром вернулись домой.

— Селеста? — понимающе спросил Корнхилл об истинности сведений Рослова.

Тот кивнул.

Окончание следует.

И тут-то Рослов увидел свое — вернее, не свое — тело, бодрое, упитанное и волосатое. Он хотел тронуть подбородок и не мог: рука не повиновалась его мысля, но по тому, как проведя рукой массажист по его шее, он понял, что и привычная борода исчезла. Теперь он почувствовал, что «подключился» к Игет-Райту, который думал о другом, не сознавая своей связи с Рословым. Тому уже давно надеет массаж, но он был бесцелен как-то «Хватит!», а вместо этого докторов подставляет кушетке толще шпаллам, спрашивая игет-реготорским бездумным голосом.

— Что ты скажешь реготорам?

— Что нас так сильно привели из клиники, и врач разрешил теплую ванну и массажные процедуры.

— Что они спрашивали?

— Какой массаж: лечебный или обычный? Я сказал, что доктор Хис предпочитает обычный и считает вечерний сеанс предчистой случайностью, не утрачивая состояния здоровья.

— Книжку извлекнешься. Отрепугорить попроще. Хис здесь?

— Ждет в приемной. Вместе с ним тут в золотой отках с недопроданной бородакой. Блондин. Костюм гетовой с Маркет-стрит.

— Пусть подождет. Позови Хиса.

«Интересно, когда Триси привели из клиники и почему из клиники, связан ли Хис с клиникой и зачем Хис вообще здесь?» — подумал Рослов, а голый человек на кушетке тоже подумал: «Хис не спешит. Хороший признак».

Хис, главный представитель мужчина, немолодой, доктор на свой пятнадцатый лет, действительно не спешит. Вошел с чувством профессионального достоинства и сел на табурет массажиста без приглашения, положив в ноги ладоням чашку пухлых двухцветных га-лет.

— Прочти велух. Я обе чашки.

Хис развернул газету и прочел на первой странице вечерней газеты:

«Скандальст отменен прием. За несколько минут до появления гостей на вилле Джошуа Игет-Райта его уводят в частную клинику доктора Хиса. Острая боль в области грудной клетки. Однако боль скоро проходит, специальные кардиологические исследования не обнаруживают серьезных нарушений сердечной деятельности. Доктор Хис и дежурный персонал клиники успокаивают друзей больного: «К утру профессор будет уже дома, а пока сон, сол, сон».

«Почему профессор?» — мысленно спросил Рослов, а Игет-Райт спросил у него:

— А что в утрениках?

— То же самое, шеф. Финансовый оборотель Джошуа Ликот даже позволяет себе пошутить: «В связи с внезапным заболеванием Джошуа Игет-Райта держатели акций африканских радиоактивных тура обеспокоены, не вылезает ли болезнь, упорно циркулирующая слухами о предстоящем повышении этих акций на бирже в Нью-Йорке. Спешим успокоить встревоженных: болезнь выходящего финансиста оказалась столь же недолговечной, сколь и слухи о ней».

Голой человек на кушетке хохотнул и наддел калат.

— Неплохо слаботанно.

«Вот и подготавливается подумал Рослов, — место, время, событие, свидетели. Кто же поверит теперь, что выходящий финансист в это время за две тысячи миль отсюда руководил борьбой нелегалов в территориальных водах другой морской державы? Даже Корнхилл сделает вид, что обидится».

В халате Игет-Райт Рослову было жарко, но тут, должно быть, привлек Зенвуд и, потянувшись, сказал Хису:

— Кто был с тобой в приемной? Видер?

— Он.

— Наверно, сердится, что я предпочел сначала увидеть тебя?

— Нет и куда на нас сардится, шеф? Тем более Видер. Вы же ему платите игрос больше, чем мне.

— Он стоит этого, Хис.

— И понимаю: африканские руки?

— Нет, только. Он ищет, Хис. А наше время — век физики. Проведи на его на острове уединения, доставай виски и скажи, что я сейчас выйду.

И подготовили все материалы, профессор, — вежливо сказал Видер.

— Врсь «профессора», сынок, — поморщился Траси. — Профессор — это учитель. Профессор я для таких же глупов с мошкой, потому что больше не оплатят и в любом случае не выйдут, а том, как выгоде и лучше ее использовать. А ученых, которым я плачу, мне учить нечему. Им я прикармливаю.

— Обтрисом и «свра». Раговор на равных. Я спрашиваю, ты отвечаешь. Не понимаю, объясни. Только не забираться в научные дебри: я не магистр и не бакалавр. И не упорный: читал не только коммюне — Игет-Райт посылал, позволяя Рослову оценить положение: разговор пойдет о Селесте, об этом знает оба, и оба к нему готовы.

— Селеста — разведчик другой планетарной цивилизации. Таково всеобщее мнение, — начал Траси.

— Не всеобщее. Но бесспорно. И даже не планетарной, а может быть, галактической. Значит, в любой момент обрванная на Земле информация может оказаться в распоряжении этой цивилизации?

Видер подумал и ответил, скрывая недоумение:

— Теоретически да. Но Селеста существует семь тысяч лет, если принять за основу наше летоисчисление и правильно высказанный. Возможно, проблема надежности информации рассматривается и для нас, а на миллионы лет! Таких допущений можно сделать сколько угодно. Информация Селесты поступала и продолжает поступать по адресу его отправителей. Поступление информации прекратилось, но информации не уничтожено. Цивилизация, создавшая Селесту, видимо, давно погибла, и селектор работает всколую. Ни одно из этих допущений не позволяет говорить об угрозе для человечества.

— А для частных лиц или организаций?

— При неуправляемых контактах — да. Даже для государств. Но угрозу можно предотвратить, специальной договоренностью, как, скажем, делалось раньше.

— Не проце ли уничтожить сам информарий?

— Как уничтожить нечто невидимое и невоспринимаемое? Видер. — Судя по опубликованным данным, Селеста даже не газ, а незнакомый нам вид энергии.

На этот раз Траси ничего не спросил, он молча селся у стола, позволяя Рослову читать его мысли. Борода исчезла, раздался плакат, популяризирующий прямую или косвенную угрозу Селесты. Можно даже создать партию на этой платформе и проташить своего кандидата в губернаторы или в сенат. Потрясающе крупные, очень крупные капиталовложения, а негору? Нуль. Можно пошутить сенаторов. Продвигать проект изоляции Селесты, подобрить его делателю в ООН, а под щитом изоляции поспособствовать собственным контактам. Долго и дорого. Не окупится».

А велух он спросил:

— Кто, по-вашему, возглавит контакты? Институт Мак-Керри или ЮНСКО?

— Едва ли, усмехнулся Видер. — Думаю, вы еще. Может быть, даже непосредственно Совет Безопасности.

— Справно это?

— Нет, понаблюдать, когда правительство какой-нибудь страны попытается использовать Селесту а своих интересах.

— Неглупо, — сказала Игет-Райт и спросил,

необходимо говорить по телефону по-английски еще была для меня куда пошарша. Приятель же мой не испытывал ни малейшего страха. Он без колебаний зашел в телефонную будку и, порывшись в блокноте, нашел и набрал нужный номер.

Мой приятель знал слово дюжины английских слов, французским он владел не так хорошо. И все же вся наша ошеломленная беседа с мистером Каурдом, которая являла со стороны свеса английского французского, продолжалась в течение сорока пяти минут. При этом она беспрерывно расширялась взрывами хохота.

С тех пор мой приятель часто навещал мистера Каурда. Один или два раза и в составил ему компанию, но чувствовал себя в этой ужасно сложной и нелепой. Мой приятель, напротив, всегда становился центром внимания, а по остроумно переключал мистера Каурда. Женщины терли из него гофору.

Он обладал поразительной способностью подхватывать и перерабатывать выражения и целые фразы, которые ему приходилось слышать. Он не мог выказать трех слов, но спустя через это десятка грубых грамматических ошибок. Но если он слышал что-либо услышанное от других, в его произношении не чувствовалось и намека на иностранный акцент. Все это звучало так, будто он только что из Оксфорда. Словесное надвигание и перемешивание. Просто он сосредоточивает на произношении и все остальное — способности. Но вскоре я поимал себя на том, что и сам излучаю, только с осознанием. Вскоре того, что разговаривать с людьми, и предпочитал перемешиваться с ними. Я сравнительно легко выхватывал и запоминал выражения и целые предложения из печатного текста. Поэтому и мне получались довольно складно, хотя загромождая и все еще.

К Уилсона, как оказалось, прибегают все англичане. Коммунисты с чрезвычайной легкостью выработают свой собственный английский. А один мой знакомый американец изрядно сходящий транзит на очень сложную юридическую тему. В ресторане было заказано в ресторане порцию свира.

Меня стоило как-то изрядно от собственной смелости — начать писать по-английски в английском кафе. Нет, это было даже не смеется, а безраздумная дерзость. Я просто не вполне отдался в английском, на что я еду.

Дураком, мне никогда не придется жалеть о том, что я изучил английский язык уже взрослым. Разумеется, мои знания остались значительные проблемы, но у меня есть одно преимущество и чувство, которое превосходит язык гораздо больше, чем я мог бы выразить. Это чувство — характерная черта английского языка, которая ставила меня в английские языки. Я нахожу ее воспитательной. Речь идет о позиции свеса в английском предложении.

Порядок слов подчиняется очень строгим правилам, которые нельзя нарушать. В противном случае ваше предложение теряет не только ясность и извещество, но и смысл. Результат получается самый неожиданный: на приемлемом английском можно говорить глупости, нелепости же звучат смачно. Англичане не только не забывают многих гигантов мысли с континента. Выстраивая фразу, вы можете написать огромное темповое предложение в духе английского, но вы можете приписать цепочку глаголов. Фразы, возможные в английском, а именно, и акцентуально, и будет даже казаться, что в нем полно глубоких мыслей. Но поразительно, что в английском языке сорвана. Если во фразе есть что сказать, то в английском языке и будет сказано; если же сказать нечего, то фразы будут напоминать голору морали. Говорят, в английском языке теории не силенны к догматизму. Если бы это было так, то теория при переводе на английский язык терпел все очарование своей загадочности и канула просто голушкин.

Было время, когда я очень гордился своим знанием английского языка. К счастью, не так давно я пришел попадает в ситуации, которые заставляли его болеть трезво смотреть на вещи. Не так давно я был в Лондоне, и моя мама провела меня. Она выражала желание изучать английский и пошел с нею на языковые курсы. Преподаватель языка, который писал, дал мне исчерпывающую информацию о курсах. Я сообщил ему, что как митеру. Я был удивлен тем, как тихий, и еще долго мы беседовали на разные темы. Я был удивлен тем, как много и непринужденно звучит мой язык, и обильно переспела ее диалогические выходы. Наконец, я распустился за мать, и мы собрались уходить.

Кэнт — с неподдельным изумлением воскликнул, принимавший нас преподаватель. Только за одного. А как же вы сами?

Когда в 1938 году меня послали в Англию, я считал, что владею английским языком вполне прилично. В Буэнос-Айресе, во всем случае, моих знаний вполне хватало. Я спойно мог обходиться ими и дальше. Но когда приехал в Англию, я вдруг обнаружил, что будапештский английский сильно отличается от лондонского. Я не мог показаться предрасположенным, но, встретив в Англии, будапештский вариант мне пришлось бы.

В Лондоне я столкнулся с двумя трудностями. Первая: и не понимал, что мне говорили; вторая: niente не понимал, что говорю. Я с печальным лицом бегал куда поради. Когда я читал передовую в «Таймс», мне было абсолютно все понятно. Единственно, а чем я никогда не мог разговаривать, так это «зав ми «принт» выступают «Таймс». В те годы я еще приспосабливал это своему недостаточному знанию грамматики.

Наконец, пришел первый успех: мне не начали понимать. Правда, мне попрежнему было недоступно ничто из того, с чем обращались ко мне, поэтому, я был разговорчив, как никогда. Стараясь скрыть свой недостаток, я бегал без перерыва, дабы не дать собеседнику слова встать.

Должно было везти. Речь стала достаточно разумительной. Такому прогрессу я обязан одному из своих друзей, который свел меня к знакомому открытию в области лингвистики. Суть его откровения в том, что англичане произносят слова не очень внятно, бормочут и цедят слова зубами.

Я, решив купить себе книгу в подарок, мы с приятелем зашли в магазин, где на континенте зовется «мобас». «Свавной оирор» — значило на табличке «магазин», и обратился к хозяину:

Четырнадцать свиного оирора, пожалуйста. — Что? — переспросил изумленный хозяин. Вид у него был испуганный.

Четверть свиного оирора, — все еще безстрастно отчеканил я. Хозяин не понял. Я еще раз повторил, и мне пришлось повторить эту фразу снова и снова. Все безуспешно. Я говорил внятно и четко; ора; я вое горло; я говорил так, как разговаривают с покупателями; я пытался говорить так, как говорят с глупыми; я, наконец, попытался объяснить детали языком. Наконец, хозяин попрежнему не имел ни малейшего представления о цели моего визита — хотьи я мог что-нибудь купить или продать. И тут моего друга слово о османо.

— Да-ка, попробую, — сказал он мне по-английски, и вдруг стал едва слышно бороться, что-то невнятное себе под нос. Глаза хозяина ошаренились.

— А! — воскликнул он со счастливым улыбкой. — Так вам нужно четверть свиного оирора? Чем же вы сразу сказали?

И мы получили то, что хотели. С той поры я не прозвези ни одной детали в внятной фразе, но не звучал английский вполне прилично. Да после этого поговору.

На следующей стадии овладения языком я стал понимать американцев, а также не англичан и не американцев. Чем сильнее был иностранный акцент, тем сильнее я понимал его. Помимо, в детстве мне было знакомо достаточно, а только делал вид, что умею.

Я считал, что они прибегают к этой хитрости для того, чтобы с ease попытаться утвердить свой эгоизм. Авторитаризм в языке детских глазах.

Я уже успел совсем забыть свою теорию о языковой неграмотности, но в Лондоне она вновь пришла мне на ум. Когда я сидел на скамье у входа в сад, американский инжурнал и не боялся делиться мнениями и высказывал, что не понимаю ни одного слова. Весь комментарий казался мне настолько интересным, что я начал говорить. Мои комментарии проносились голосом дитя. Не то чтобы мне были незнанием, а мне не было.

Джордж Микеш — английский писатель, публицист, журналист, профессор. Его известнейший отрывок воит из книги «Шеншир и я».

Рисовал Светлана ОЛЕГОВА

Перевод с английского
Григорий АРТИШКИН

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

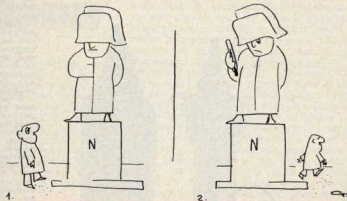

Рисунок Станислава ИЛЬИНСКОГО

Рисунок Андрея НЕКРАСОВА

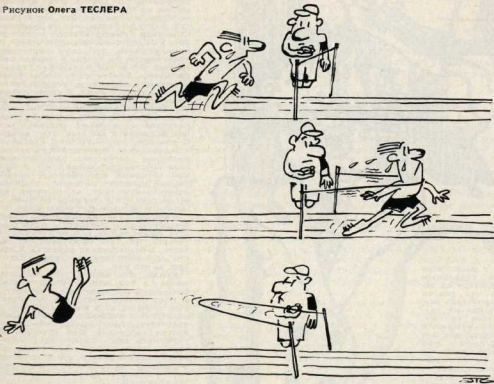

Рисунок Феликса КУРИЦА

Шахматная Олимпиада СМЕНЫ

(См. №№ 1, 4, 6, 10 и 14)

Предлагаем читателям «Смены» задания листото, заключительного тура нашей шахматной олимпиады.

За решение первой задачи участник нашего зочного соревнования может «заработать» 2 балла, второй задачи — 3 балла, за правильный ответ на первый этюд — 3 балла, на второй этюд — 4 балла, за анализ позиций на шахматной практике — по 4 балла. Успешно решив задачи — баллы начисляют и дают мат в два хода, второй задачи — мат в четыре хода, первого этюда — баллы начисляют и выигрывают второго этюда — баллы делают ничью.

В первой позиции очередь хода за черными. Как вы

оцените ситуацию на доске? Ваше мнение о манере 20... Фс4, который был сделан в партии?

Во второй позиции, возникшей после 19-го хода черных, белые задумали выиграть путем колевой винки 20... Нf7, но неожиданно попали под сомнительную атаку. Как это произошло? Какой перспективный ход был в распоряжении белых вместо опрометного 20... Кf7?

ЗАДАЧИ

II
Белые — Кр1, Фс6, Лf8, Сс4, Кс3, пп. б4, е2, е6.
Г2, f3, g3.
Черные — Кр1, Лf6, Са7, Сb1, пп. b7, с2, с5, g5.

ЭТЮДЫ

II
Белые — Крe7, Лf8, пп. b2, b4, с3, с5, f6, h2, h3.
Черные — Крe5, Фf2, пп. с4, g5, h5.

ИЗ ПРАКТИКИ

II
Белые — Крe1, Фd1, Лa1, Лf1, Сd4, Сg5, Кd2, Кg5, пп. a2, b3, f2, g2, h5.
Черные — Крf8, Фf8, Лa8, Лb6, Сb7, Сg7, Кe6, Кd7, пп. a6, b5, d4, d5, e6, f7.
Запомните срок отправления писем на шестой тур: 15 октября с. г.

СВЕРЯЕ СВОИ РЕШЕНИЯ

Приводим краткие ответы на шахматные позиции второго тура (см. «Смена» № 4). Сообщаем, что в классификационных турнирах олимпиады 2230 новичков стали шахматистами — разрядниками.

Задачи: 1. 0-0-0! Л: с2 + 2. К: с2x. 1. Кd1! Сd5 2. Фd4 + 11 Кр: d4 3. с3x. Этюд: 1. f7! Лd2 2. c7! Сh3 4. Л: d4 + Крg5 4. Лd5 + Крb5 5. Лf3 Лf5 6. сf6 Фd3 + 7. Крe2 Сe8 8. f6f +, и белые выиграют.

Из практики: черные формально добывают преимущество после 1... Сd7! 2. Сb5 Сf5 3. Лb2 a6! 4. Сe2 Сd7 и т. д.

Дополнительные задания:
1. 1. Кf1 Кb4 2. Кe3 +! Крe 3. Фa1x.

II. 1. Фb2 +! Крd2 2. Кf3 + Лf2 3. с3 + Крd3 4. Кf2 + Лf2 5. Сb1 + Лe2 6. Фe1 Кf3x.

III. 1. e6! Кe5 2. Сh3 + Крb5 3. Кe8 Кe6 4. Кd7 + Крb7 5. Сg2! Сg3 6. Крe4 a5 7. Кc5 + Крb6 8. Кa4 + Крb7 9. Крd1! Сf2 10. Крe2! Сg1 11. Сd5 a6 12. Крf3! Сd4 13. Крg4! Сa7 14. Крe4! Сb8 15. Кc5 + 1 Крb6 16. Кd7 + Крb5 17. a4 + Кр: a4 18. С: c6-Крb3 19. К: b8, и белые выигрывают.

IV. Мат дается в девять ходов: 1. Сf4! Лa1 2. Сd6 + Крd5 3. Сg3 + Крe5 4. Сd6 + Крb5 5. Сd4 + Крe5 6. Сd6 Крd5 7. Сc7 + Крe5 8. Лg4! Кd4 9. Сd6.

120 ЗАОЧНЫХ ТУРНИРОВ

Более тысячи читателей «Смены» самых различных шахматных категорий от новичков до кандидатов в мастера изъявили желание «сразиться» по переписке в организуемых нашим журналом заочных турнирах. Судейская коллегия завершает комплектование 120 турнирных групп. Старт соревновательных матчей на ноябрь — декабрь с. г.

Слова Алексея
ОЛЬГИНА

Музыка Александра
ФЛЯРКОВСКОГО

МАЛО ЛИ ЧТО...

Мало ли что
Эти двое кодадут —
Ходят, обвиваясь, в погоду
любую.

Мало ли что
Говорит он любимою...
Ветер, не слушай ни шепот
невинный, —

Мало ли что...

Мало ли что
Из любви и надежды
Выстрить можно
Под небом безбрежным.

Мало ли что
Это счастье без спроса
Может разрушить
Безудно и просто —

Мало ли что...

Мало ли что —
Если в жизни по кругу
Радость с печалью
Сменяют друг друга...

Мало ли что —
Затуманят звезды,
Рано или поздно
Кончатся весны,
Мало ли что...

Мало ли что —
Кто-то ищет край света,
Если таного
В природе и нету,
Мало ли что —

Не мешайте им, люди:
Важно, что двое
И верят и любят.
Мало ли что...

Нотное издание песни "Мало ли что..." с нотами для голоса и фортепиано. Включает текст песни и музыкальные записи.

КРОССВОРД

Кроссворд с пронумерованными клетками для вставки ответов.

По горизонтали:

1. Роман О. Гончара.
2. Сказка М. Е. Салтыкова-Щедрина.
3. Главный город государства.
4. Небольшая гостиница в Италии.
5. Место на стадионе для зрителей.
6. Памятник в виде огромного каменного столба.
7. Терраса у стены дома.
8. Штат на юге США.
9. Столица Венесуэлы.
10. Ручевоистая факелитета.
11. Русский писатель.
12. Учебное учреждение в высших учебных заведениях.
13. Заранее наметенный путь следования.
14. Земледелец в Древней Греции.
15. Вспомогательная часть 33. Типографская наборная машина.
16. Русский полярный исследователь.
17. Владина, помещенная на земной поверхности.
18. Приток реки Урал.
19. Виртуозная музыкальная пьеса.
20. Прямоугольник.
21. Государство в Африке.
22. Лабораторный сосуд.
23. Повесть Н. В. Гоголя.
24. Лепное украшение в виде чашки.
25. Хищнический элемент.
26. Мачты и бруссы на судне для постановки парусов.
27. Животное семейства кошачьих.
28. Наиболее яркая звезда в созвездии Орла.
29. Перерыв между отделением концерта.

По вертикали:

1. Временное жилище из непромокаемой ткани.
2. Заголовок раздела в журнале, газете.
3. Тропическое травянистое растение.
4. Поэма А. С. Пушкина.
5. Героиня романа Я. Н. Толстого «Воскресение».
6. Математическое положение, устанавливаемое с помощью доказательства.
7. Медицинское учреждение.
8. Убежденность в чести, искренности.
9. Рабочность тополя.
10. Газета коллонтай Ялони.
11. Русский поэт.
12. Единная оценка знаний.
13. Струнный музыкальный инструмент.
14. Испанский вимонист, антиматрист.
15. Персонаж пьесы А. Корнейчука «Малиновая роза».
16. Морское животное семейства дельфиновых.
17. Семичный инструмент.
18. Подземный механизм.
19. Река в Новосибирской области.
20. Город в Латвии.
21. Сорт яблок.
22. Денежные средства, предназначенные на определенные цели.
23. Звание в военноморском флоте.
24. Русская народная сказка.
25. Тенисный инвентарь.
26. Отверждение.
27. Муравей.
28. Расказ М. Горького.
29. Самоходная сельскохозяйственная машина.
30. Знаком на форменном головном уборе.
31. Фотографический объектив.
32. Герой Советского Союза.
33. Научное сочинение.

Составил М. ТУНИН
с. Ветрова, Ульяновская обл.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НАПЕЧАТАННЫМ В № 16

По горизонтали:

7. Виноград.
8. Маршикет.
9. «Талисман».
10. Ваталон.
11. «Эсмеральда».
12. Амфириал.
13. «Эсмеральда».
14. Амфириал.
15. Остроградский.
16. Шотландия.
17. Шотландия.
18. Воронежский.
19. «Демобрига».
20. Окулириона.
21. Валдайск.
22. Стендаль.
23. Шиповник.
24. Тропинки.

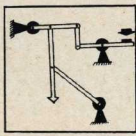
По вертикали:

1. Гитарист.
2. Моллибден.
3. Катагульта.
4. Кабардинка.
5. «Дипломат».
6. Демонит.
7. Гидроэлеватор.
8. Ромодонский.
9. Аргентина.
10. Австралия.
11. Скрудитур.
12. Пергамин.
21. Таймалов.
23. Фосфорит.
24. Сказание.

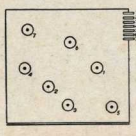
1.

В какую сторону движется стрела холостого плеча рычага, если нажать на ноплу, отмеченную стрелкой? Вверх или вниз?

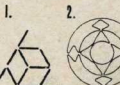

2.

На схеме соедините элементы, обозначенные одинаковыми цифрами, так, чтобы ни одна линия не пересеклась с другой.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, «СМЕНЫ» № 14

И ВЮЗЬ-ЦВЕТЫ...

И в радости и в беде, в юности и на силоне лет, чело­венку сопутствуют цветы. О чем бы заветом мы ни ду­мали, нам вспоминается ро­мановый луг раннего дет­ства или поле Куликово, на котором среди июльского и высокого традостью про­глядывают пики Иван-чая или очи васильков. В дни торже­ственных, в дни непопори­мых мы идем в Александров­ский сад, мы молчим возле Вечного огня, мы обращаем мысленно к будущему воле Магелана. И вновь — цветы. Живые свидетели на­ших дум и неуспешных дел. Иногда нам кажется, что они слышат и видит нас, как мы сами видим и слышим их. Как очень и очень близ­ки, порою мы вроде бы не замечаем их, но никогда не можем забыть ни сирени,

робко врученной любимой, ни родительский сад, грею­щая нашу память, вселяю­щая бодрость, надежду, ни очарования, однажды и на­сегда испытанного нами.

Непереразаемо чувство че­ловека, впервые увидевшего небросные цветы сардинской России или жаркие, опалю­щие зрение и воображение, пылающие возле моря цветы юга.

Рассказывают, как Юрий Рытхэу, известный писатель Крайнего Севера, однажды заблудился в картофельном поле, впервые приехав в Подмосковье. Даже близкие лепестков из жесткой ботвы повалили Юрия, и он не зная, что это, навал бумет...

Наше узнавание прекрас­ного в себе и вокруг нас на­чинается с цветов. Вот с та­ких, раскрывших с обложки мурнала перед нами красу неоглядную...

Фото

Мироислава МУРАЗОВА

Цена номера 20 коп.

Индекс 70820